

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АДЫГЕЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Левашев Дмитрий Николаевич

**АРХАИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Специальность 09.00.11 – Социальная философия

**Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

**Научный руководитель:
доктор философских наук, доцент
Эмирбекова Елена Эмирбековна**

Майкоп – 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Архаизация правового поведения в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования.....	19
1.1. Архаизация правового поведения в зарубежной и российской социальной мысли: теоретико-методологические проблемы исследования.....	19
1.2. Архаизация правового поведения в российском обществе: теоретико-методологический конструкт исследования.....	40
Глава II. Архаизация правового поведения в условиях социокультурных реалий российского общества: институциональный и идентификационный аспекты.....	60
2.1. Архаизация правового поведения в социокультурных реалиях российского общества: институциональный анализ.....	60
2.2. Архаизация правового поведения в идентификационных стратегиях россиян.....	79
Глава III. Влияние архаизации на стратегии правового поведения в российском обществе и перспективы его деархаизации	99
3.1. Стратегии правового поведения россиян в условиях современных реалий: влияние архаизации.....	99
3.2. Тенденции и перспективы деархаизации правового поведения в российском обществе.....	117
Заключение.....	139
Список литературы.....	143

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Исследователи справедливо указывают на тот факт, что для большинства обществ в ходе их истории характерно возвращение к прошлому, в том числе и к архаическому, т.е. этот социальный механизм является универсальным¹. А возрастающий интерес к архаизации российского общества, по словам А.С. Ахиезера, есть свидетельство того, что происходят существенные изменения в общественной науке, обратившейся к российской повседневности, в которой архаика – органично вписанное и значимое явление, только начинающее осознаваться как таковое научным сообществом². И правовое поведение, будучи обусловленным ментальной и социокультурной спецификой России, также формируется и изменяется в логике тенденций архаизации, что определяет глубокий познавательный интерес к проблеме архаизации правового поведения в российском обществе и, соответственно, ее социально-философскую актуальность.

Российское общество прошло период правового транзита, утвердился новый правовой порядок, характеризующийся разведением гражданско-публичной и приватной сфер жизни, выведением формулы отношений между государством и личностью на основе баланса прав и обязанностей, возникли новые дифференцированные отрасли правовых отношений, несвойственные предшествующему периоду с явно административно-правовым уклоном. Тем не менее, в общественном сознании, в массовых настроениях россиян ощущается признание дефицита правовой культуры и правовой

¹ Ламаджаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Гуманитарные науки: теория и методология. 2011. Вып. № 3. С. 35.

² Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 91.

компетентности в обществе ³, неэффективности института права и преобладание непропорциональных форм поведения в различных сферах общественной жизни.

Можно констатировать, что правовое поведение россиян становится предметом широкого общественного интереса, так как обнаруживаются непропорциональные действия представителей различных социальных групп и слоев независимо от социально-статусного положения, и на этом основании нельзя говорить о том, что в России богатство, достаток и успех порождают пропорциональное поведение, а бедность стремится к сопротивлению праву. Рассматривая феномен правового нигилизма, деструкции права, использование непропорциональных механизмов для достижения непропорциональных целей, нельзя умалчивать тенденцию архаизации правового поведения россиян, которая заключается в том, что актуализируются архаические пласты правового поведения, ориентированные на, казалось бы, забытые вольности, допущение ограничения в правовой сфере.

Актуальность обращения к данной проблематике обосновывается значительным влиянием архаизации на жизнь и поведение общества посредством замещения правовых норм нормами и схемами коллективного опыта, в результате чего сфера правового характеризуется тем, что, во-первых, сужает авторитет института права; во-вторых, расширяет сферу непропорциональной свободы, трактуемой как вольности, как стремление к воле и вольности; в-третьих, формирует серьезные искажения в массовом сознании, нивелирующие инструментальную сущность права как призванного защищать свободу и интересы граждан в пользу его репрессивной, не имеющей социально-реститутивного значения, сущности. Более того,

³ Андреева О.А. Диалектика политических и правовых рисков в условиях стабильно-нестабильного общественного развития: анализ концептуальных подходов // Философия права. 2016. № 6 (79). С. 27-31; Шефель С.В. Личность как гармонизатор субъектобъектных правоотношений в экосфере // Национальное здоровье. 2017. № 1-2. С. 320-331.

архаизация подвергает сомнению эффективность и общеобязательность права как непригодного для определенной группы людей или излишне мягкого и либерального по отношению к тем явлениям, которые массовое сознание определяет как несправедливые.

Таким образом, проблема архаизации правового поведения в российском обществе актуализирует необходимость комплексного социально-философского осмысления сущности и последствий правового выбора россиян, связанного с архаическими поведенческими стратегиями в правовой сфере.

Степень научной разработанности темы исследования. Научная традиция изучения правового поведения в контексте тенденций его архаизации в современном российском обществе складывается на пересечении социологического, культурологического и социально-философского знания, что определяет важность учета потенциала научных разработок в пространстве междисциплинарного дискурса, в котором социологические и собственно философские сюжеты данной проблематике зачастую логично включены в единую исследовательскую логику при решении различного спектра задач.

Так, зачастую, социологи обращаются к явлению архаизации в контексте проблемы инновационного развития российского общества и перспектив перехода России в новое социальное качество (М.К. Горшков, А.Б. Гофман, Н.А. Зарубина, Ж.Т. Тощенко, И.В. Суркова и др.), а философы обращаются к социологическому эмпирическому инструментарию для выявления конкретных форм и тенденций архаизации и неотрадиционализации в различных, как правило, мультикультурных регионах страны ⁴. При этом процессы архаизации и неотрадиционализма, в

⁴ Ламаджаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Гуманитарные науки: теория и методология. 2011. Вып. № 3. С. 35-42; Ламажаа Ч.К., Абдулаева

целом рассматриваемые как обращение общества к традиционному социокультурному опыту, сложившемуся в прошлом, различаются по критерию стихийности/сознательности в отношении использования социальных практик, базирующихся на прошлом социокультурном опыте: архаизационные связываются с фактором стихийности в условиях социальной неопределенности и нестабильности, а неотрадиционалистские - с целенаправленной деятельностью социальных групп, индивидов, социальных институтов в области возрождения и закрепления культурных традиций, на разных исторических этапах сложившихся в данном обществе. Однако, дифференцируя архаизацию и неотрадиционализм, ученые признают условность подобного различения данных сложных процессов, тесно связанных между собой.

На том, что следует различать традиционализм, неотрадиционализм и архаизацию, настаивают и другие ученые, подходящие к изучению данных явлений и процессов с позиций культурологического и социально-философского методологического осмысления⁵. Значительный вклад с точки

М.Ш. Архаизация и неотрадиционализм: Российские региональные формы // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 68-80; Ламажаа Ч.К., Намруева Л.В. Комплексные проявления неотрадиционализма и архаизации в регионах Южного федерального округа // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 27-39; Ламажаа Ч.К., Хайруллина Н.Г. Архаизация и неотрадиционализм в регионах Уральского федерального округа // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 29-38.; Лапшин В.А. Неотрадиционализм в Центральной России: формы, движения, идеология // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 102-108.

⁵ Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 89-100; Ревуцкая Е.А. Архаизация в российском социокультурном процессе // Грамота. 2013. № 4 (30). С. 150-153; Сергеев Д.В. Социально-культурная ситуация в России начала XXI в. : рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика // Мир России. Социология. Этнология. 2012. № 3. С. 100-118; Сычева Т.М. Проблема архаизации: некоторые методологические подходы // Манускрипт. 2018. № 5 (91). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-arhaizatsii-nekotorye-metodologicheskie-podhody>.

зрения методологической проработки и выявления предметной специфики изучения архаизации в различных областях научного знания и сферах проявления в общественной жизни принадлежит А.С. Ахиезеру, идея которого о сущностных основаниях проявления архаизации через исторически сложившиеся культурные программы, обращение к которым становится значимым фактором общественного развития, хоть и не соответствующим вызовам сложного мира, с чем и связываются тенденции общественного регресса⁶, становится идейной и методологической основой многих научных исследований, в которых определяется модальная специфика социального поведения населения России в различных сферах жизнедеятельности⁷, в том числе и в правовой⁸. Так, исследователи, в русле идейных положений теории архаизации, раскрывают специфику модальных моделей правового поведения в российском обществе в различных этнокультурных регионах с позиций влияния ментальных программ, соответствующих определенной культуре, и трансформационных социально-политических процессов. В результате такого подхода была предложена типология правового поведения, в которой исследователи выделили либеральную, либерально-государственную, государственно-либеральную и консервативную модели правового поведения в России⁹.

⁶ Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 93.

⁷ Lubsky A.V., Kolesnykova E.Y., Lubsky R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Vol. 11. No. 16. P. 9549–9559

⁸ Гуляихин В.Н. Правовой менталитет российских граждан // *ВВ: Вопросы права и политики*. 2012. № 4. С.108-133; Крупеникова Л.Ш., Лубский Р.А., Пестов Р.А. Особенности модальных моделей правового поведения в полиэтнических регионах на Юге России: сравнительный анализ // *Философия права*. 2018. № 3 (86). С. 117-122.

⁹ Лубский Р.А., Крупеникова Л.Ш. Модальные модели правового и политического поведения различных социальных групп в трансформирующемся российском обществе (на

Следует отметить в качестве доминантных в научных оценках негативные коннотации, связанные с архаизацией как тенденцией социального и культурного развития современной России¹⁰, что находит отражение и в интерпретации социально-политической реальности России, которая рассматривается исследователями как моделируемая в формате архаизации¹¹. Но не все исследователи склонны к негативной оценке влияния архаизации на социальные процессы и поведенческие установки населения. В частности, Л.В. Карнаушенко¹², обращаясь к институту права в контексте тенденций архаизации в российском обществе, считает методологически неверным отождествлять архаизацию в регрессивным, антипрогрессивным началом в динамике общественного развития, поскольку в эпоху скоростных изменений и глубоких трансформаций архаизация выступает в роли защитного механизма общества.

В целом, можно говорить о том, что в российской научно-исследовательской литературе в отношении архаизации правового поведения

материалах социологических исследований) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8-9. С. 92-98.

¹⁰ Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М. Деструктивные аспекты социальных трансформаций: аномия, архаика, девиация // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3 (19). С. 94-101; Антипов М.А., Дорошин Б.А. Деинституализация как проявление архаизации постсовременного общества // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. №3 (50). С. 29-33; Хоружая С.В., Салчинкина А.Р. Архаизация и деградация в социокультурном пространстве // Манускрипт. 2017. № 5 (79). С. 194-196.

¹¹ Исаков А.Л., Ермоленко В.В. Моделирование архаизации политического процесса как методологическая проблема социально-гуманитарного знания // ИВД. 2011. № 3. С. 385-389; Ачкасов В. А. «Взрывающаяся архаичность»: традиционализм в политической жизни России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 160 с.

¹² Карнаушенко Л.В. Институт права в аспекте процессов архаизации и модернизации современного общества // Вестник КРУ МВД России. 2016. № 2 (32). С. 88-92; Карнаушенко Л.В. Тенденции архаизации трансформирующегося российского общества и проблема криминализации // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 10-14.

сложились три основных подхода. Во-первых, нормативистский, определяющий архаизацию как отклонение от правовой эволюции общества, как историческую инверсию, нарушение логики построения правового государства. Во-вторых, культуралистский, определяющий архаизацию как особенность формирования российского правового поведения и правосознания, имеющего длительную устойчивую неправоую традицию. В-третьих, как следствие, деятельностный (конструктивистский), рассматривающий архаизацию в качестве процесса конструирования (актуализации) схем коллективного прошлого как субституирующих, замещающих нормы права.

Таким образом, анализ исследовательской литературы позволяет отметить, что, несмотря на формирование методологических ориентаций в изучении архаизации российского общества, правовое поведение сквозь призму процесса архаизации еще не стало предметом самостоятельного и концептуального социально-философского анализа. Проблемы правового негативизма, традиционализма, институциональной аномии в предметном поле архаизации правового поведения имеют возможность быть интерпретированы в качестве мультипликативного эффекта, производного от целого ряда причин и факторов влияния в условиях современной российской социокультурной реальности, что делает актуальной попытку осмысления правового поведения россиян в данном направлении.

Целью диссертационного исследования является разработка социально-философской концепции архаизации правового поведения в российском обществе.

Данная цель достигается посредством реализации следующих **исследовательских задач**:

– рассмотреть теоретико-методологические проблемы исследования архаизации правового поведения в зарубежной и российской социальной мысли;

- сформировать теоретико-методологический конструкт изучения архаизации правового поведения в российском обществе;
- рассмотреть институциональные условия и факторы архаизации правового поведения в социокультурных реалиях российского общества;
- исследовать идентификационные стратегии россиян в контексте их стимулирующего или нейтрализующего влияния на архаизацию правового поведения;
- охарактеризовать основные стратегии правового поведения россиян, формирующиеся под влиянием архаизации;
- определить основные тенденции архаизации и перспективы деархаизации правового поведения в российском обществе.

Объектом исследования является правовое поведение, детерминированное ментальными и социокультурными особенностями российского общества.

Предметом диссертационного исследования являются факторы, условия и проявление архаизации правового поведения в современном российском обществе.

Гипотеза исследования заключается в том, что архаизация правового поведения в современном российском обществе характеризуется замещением правовых норм нормами, выводимыми из коллективного исторического опыта отношения к праву в качестве формы социальной самопрезентации и презентации. В результате формируется приватное пространство, в котором закрепляются установки на неправоую свободу и партикуляризация правовых норм, что определяет альтернативы архаизации правового поведения в российском обществе в варианте нерефлексивного обращения к коллективным формам культурно-исторического опыта (нерефлексивная, естественная архаизация) и/или рефлексивного, сознательного обращения к этому опыту (рефлексивная, конструируемая архаизация).

И в том и другом случае происходит легитимация «отрицания права» и расширение возможностей для реализации правовых стратегий по схемам коллективного культурно-исторического опыта, но конфигурация данных вариантов архаизации определяет различные идентификационные стратегии россиян в контексте отношения к праву и перспективы деархаизации правового поведения в российском обществе.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования выстраивается на комплексе концепций и подходов, позволяющих выявить в структуре архаизации правового поведения в социокультурных реалиях российского общества рефлексивные и нерефлексивные формы архаизации. В частности, применялись положения конструктивистской парадигмы, объясняющей социальных механизм сознательного обращения к исторически сложившимся коллективным формам опыта как способу воздействия на массовое сознание и правовое поведение российского населения. В данном методологическом ключе использовались положения концепции практического смысла П. Бурдье, в которой формы коллективного опыта выступают социально презентирующими, символическими позициями, нейтрализующими эффекты неравенства правовых ресурсов.

Анализ рефлексивных и нерефлексивных форм архаизации правового поведения в российском обществе опирается также на положения неонституционализма, определяющего значимость формальных и неформальных норм и правил в процессе становления и изменения социальных институтов в контексте идеи исторической зависимости¹³; теорию ментальных программ, раскрывающую особенности нормативной модели социального поведения через конфигурацию рефлексивных и

¹³ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

нерефлексивных структур, детерминирующих поведение индивидов и социальных общностей в различных сферах жизнедеятельности¹⁴.

Методологическая основа диссертации выстраивается на положениях теории архаизации (А.С. Ахиезер, В.Г. Федотова, Ч.К. Ламаджаа), а также близких к ней теорий, в совокупности своей раскрывающих особенности русской социокультурной матрицы и ее влияния на институциональную и социокультурную динамику современного российского общества, представленных в трудах А.С. Ахиезера, В.И. Ильина, А.А. Пелипенко и др.¹⁵.

Методологически значимыми для данного исследования выступают положения теории социальных трансформаций В.А. Ядова, в которой анализируются последствия «сжатых в пространстве и времени социальных изменений» с точки зрения их влияния на поведение населения; теоретические положения концепция фантомности российского общества Ж.Т. Тощенко, на основе которой абберация общественной жизни, травмированность общественного сознания рассматриваются как условия для принятия фантомов права, определяющих уровень дезорганизации, дезориентированности общественного сознания.

В диссертации были использованы также принципы сравнительно-исторического, структурно-функционального и институционального подходов, которые позволили проследить особенности становления и динамики правового сознания в российском обществе с точки зрения

¹⁴ Lubsky A.V., Kolesnikova E.Y., Lubsky R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society // International Journal of Environmental and Science Education. Volume 11, Issue 16, 1 January 2016. P. 9549-9559.

¹⁵ Ахиезер А.С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. Социология. Этнология. 1995. № 1. С. 3-57; Ильин В.И. Структура исторической колеи России: проблемы методологии // Мир России. Социология. Этнология. 2017. № 4. С. 30-50; Пелипенко А.А. Проклятие «русской матрицы» // Власть. 2014. № 2. С. 17-20.

представленности в его структуре архаических пластов, детерминирующих стратегии правового поведения российского населения.

Основные результаты исследования и их научная новизна отражаются в следующих тезисах:

– рассмотрены теоретико-методологические проблемы исследования архаизации правового поведения в зарубежной и российской социальной мысли, что позволило определить методологические параметры изучения архаизации правового поведения в российском обществе с позиций выделения в его структуре рефлексивных (осознанных) и нерефлексивных (неосознанных) форм архаизации, в совокупности определяющих тенденции архаизации и перспективы деархаизации правового поведения в условиях российской социокультурной реальности;

– рассмотрены институциональные условия и факторы архаизации правового поведения в российском обществе, определяющие институциональную конфигурацию данного процесса в координатах формальных и неформальных механизмов регуляции поведения в сфере права и институционализации в нем архаичных элементов с целью сознательного и бессознательного сохранения сложившегося правового порядка в условиях неорганичной для российских социокультурных реалий модернизации общества;

– исследованы идентификационные стратегии россиян в контексте обращения к архаическим пластам культурно-исторического опыта в сфере правового поведения и обосновано, что архаизация правового поведения связана с восприятием архаических правовых норм как более соответствующих принципам справедливости в условиях неэффективности института права и доминирования неправовых форм поведения в различных сферах общественной жизни;

– выявлены основные стратегии правового поведения россиян, под влиянием архаизации оформляющиеся по схеме 1) вынужденной стратегии

архаизированного правового поведения, основанной на нерелексивных, стихийных механизмах адаптации к сложившимся социальным реалиям, и 2) добровольно конструируемой стратегии архаизированного правового поведения, базирующейся на механизме сознательного (релексивного) обращения к архаичным элементам права;

– определены основные тенденции архаизации правового поведения в российском обществе, связанные с архаичным патернализмом как структурирующим и релексивные, и нерелексивные аспекты данного процесса, что позволяет на уровне оценки перспектив деархаизации правового поведения россиян связывать их с традиционно доминантной для России ролью государства.

Положения, выносимые на защиту:

– научно-исследовательская традиция изучения проблемы архаизации правового поведения в зарубежной и российской социальной мысли базируется на комплексе теоретических подходов, определяющих интерес ученых к противоречивым явлениям и процессам, происходящим в обществе в период глубинных трансформаций и перехода в новое социокультурное качество. Из числа сложившихся методологических подходов в данном предметном поле применительно к российской социокультурной специфике и современным реалиям общественного развития наиболее перспективными для объяснения процессов, происходящих в пространстве правовых отношений и правового поведения, представляются положения конструктивистской научной парадигмы и неинституционализма (в совокупности разработанных в его методологическом пространстве концепций исторической зависимости, институциональной инерции, ментальных программ, социокультурной динамики). В границах данных методологических оснований социально-философское изучение архаизации правового поведения в российском обществе базируется на выделении в его структуре релексивных

(осознанных) и нерелексивных (неосознанных) форм архаизации, в совокупности определяющих тенденции архаизации и перспективы деархаизации правового поведения в условиях российской социокультурной реальности. Само же явление архаизации правового поведения рассматривается как реакция общества, социальных групп, общностей и индивидов на динамику социальных изменений и вызовы социокультурной реальности, выражающаяся в обращении к культурно-историческому опыту прошлого в области права в форме рефлексивного и нерелексивного использования доказавших свою эффективность на более ранних этапах развития общества правовых нор и поведенческих стратегий;

– анализ институциональных условий и факторов архаизации правового поведения в российском обществе показал, что данное явление детерминировано влиянием формальных и неформальных механизмов регуляции поведения в сфере права, в ходе которого происходит институционализация архаичных элементов в правовом поведении россиян. Это выступает следствием неэффективности института права, как совокупности формально-правовых норм, в результате чего расширяются возможности для использования неформальных социальных норм, которые заимствуются из коллективного и индивидуального опыта, легитимируются ресурсом исторической памяти и нивелируют инструментальную сущность права, направленную на защиту свободы и интересов граждан. Институционализация архаичных элементов происходит путем усиления латентной функции права, то есть перевода правовых норм на обслуживание интересов определенных групп населения, которые используют архаизацию либо в целях монополизации правовых ресурсов, либо для ухода из правового поля в условиях неорганичной для российских социокультурных реалий модернизации общества;

– идентификационные стратегии россиян в контексте обращения к архаическим пластам культурно-исторического опыта в сфере правового

поведения основываются на принятии архаичной идентичности как выражения сопринадлежности, самоопределения в рамках локальной (этнокультурной) общности, характеризуемой общностью образа жизни и отношения к коллективным (историческим) формам правового опыта. Этот опыт в условиях неэффективности института права и доминирования неправовых форм поведения в различных сферах общественной жизни воспринимается как более соответствующий принципам справедливости, но, будучи направлен на ограничение или замещение правовых норм в качестве регуляторов поведенческих практик, закрепляет архаичную форму правовой идентичности, основанную на легитимации «отрицания права» как стратегии поведения в сфере правовых отношений. Опасность и регрессивность такой формы правовой идентичности заключается в том, что она выступает альтернативой макроидентичности (государственной, гражданской, этнической), определяя «дрейф» россиян к микроидентичностям, значительно сужающим влияние правовых норм;

– влияние архаизации на стратегии правового поведения в российском обществе проявляется в закреплении двух основных поведенческих схем. В первом случае речь идет о вынужденной стратегии архаизированного правового поведения, основанной на нерелексивных, стихийных механизмах адаптации к сложившимся социальным реалиям, воспринимаемым как более эффективные в условиях низкого авторитета института права, высокой скорости социальных изменений и роста дисфункциональных и дезорганизационных процессов, активизирующих разрушительные характеристики в институциональном пространстве права. Во втором случае имеет место добровольно конструируемая стратегия архаизированного правового поведения, которая основывается на механизме сознательного обращения к архаичным элементам права, используемым. Она направлена на преднамеренное, сознательное использование элементов социальной архаики в контексте получения правовых преференций, то есть

либерализации права для отдельных групп населения, или выборочного использования права с целью закрепления социальных, экономических, политических позиций в сложившейся системе социальных отношений;

– ключевые тенденции архаизации правового поведения в российском обществе связаны с явлением архаичного патернализма, закрепленного на уровне культурных и ментальных программ и формирующего конфигурацию рефлексивных и нерефлексивных аспектов архаизации правового поведения. В их основе апелляция к социокультурным корням, апробированному опыту адаптации к трансформирующейся и нестабильной реальности в условиях стремления к самосохранению, а потому и перспективы перехода в новое социокультурное качество у россиян ассоциируются с доминантной ролью государства в формировании социально справедливого правового общества. Таким образом, анализ тенденций и перспектив деархаизации в российском обществе показывает, что деархаизация правового поведения связана с усилением роли государства как гаранта права и его обеспечения в едином правовом пространстве. В контексте решения неминуемой дилеммы «архаизация-модернизация» тенденции деархаизации и перехода к созидательным, прогрессивным в своей сущности правовым отношениям должны основываться на учете архаики, содержащей модернизационный потенциал в виде культурного кода, ключа к познанию самой природы социокультурной динамики общества. Игнорирование культурного кода, заложенного в архаических пластах массового сознания и поведения, становится фактором разрушительной архаизации и создания фантомных, «мертвых», совершенно неадекватных усложняющейся реальности форм модернизации правоотношений и общества в целом.

Теоретическая и научно-практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что ее основные положения и выводы могут быть использованы для разработки программ

правового воспитания молодежи на локальном и региональном уровнях, а также для повышения эффективности практик правоприменения на уровне административных и общественных структур. Разработанная в диссертации концепция архаизации правового поведения в российском обществе может стать методологической и когнитивной базой последующей социально-философской рефлексии процессов и явлений, протекающих в пространстве социокультурной динамики общества в контексте формирующихся и меняющихся форм правового поведения и правовых установок.

Материалы исследования могут быть применены для подготовки и чтения лекций по социальной философии, философии права, социологии права, а также при подготовке спецкурсов по социально-правовым проблемам в российском обществе.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на нескольких научных конференциях, среди которых: Международная научная конференция «Поликультурные регионы: проблемы и возможности гармонизации межэтнических отношений» (г. Ростов-на-Дону, 9-10 марта 2017 г.), Международная научная конференция «Патриотизм, гражданственность и солидаристские практики в региональных сообществах на Юге России» (г. Ростов-на-Дону, 22-23 ноября 2018 г.), Круглый стол «Группы гражданского патриотизма в региональных сообществах на Юге России» (г. Ростов-на-Дону, 23 ноября 2018 г.).

Результаты исследования опубликованы в 8 публикациях, в том числе в 3 статьях, входящих в Перечень ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, и 1 монографии.

Структура работы. Структура диссертация включает введение, три главы, состоящие из шести параграфов, заключение и список литературы.

Глава I. АРХАИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Архаизация правового поведения в контексте зарубежной и российской социальной мысли: теоретико-методологические проблемы исследования

Научная и интеллектуальная традиция исследования правового поведения в контексте тенденций его архаизации в современном российском обществе складывается на пересечении социологического, культурологического и социально-философского знания, что определяет важность учета потенциала научных разработок в пространстве междисциплинарного дискурса.

В частности, социология заявляет себя как наука, предлагающая проект социального реформирования общества, приведение общества к константам солидарности, сплоченности и порядка. Очевидно, что эти позиции определяются намерением исследовать динамику общественной жизни с целью выявления общих закономерностей и принципов социального развития. В классической социологии эта «заявка» разрабатывается обращением и к проблемам общества, и к проблемам права, как имеющим несомненное значение и ценность для выяснения характера составляющих его индивидов и их действий. Все это способствует тому, что в социологических воззрениях Э. Дюркгейма, Г. Тарда, М. Вебера становится ясным, что ни психология индивида, ни абстрактный дух не способны дать ключ к пониманию социальных явлений¹⁶.

¹⁶ История социологии в Западной Европе и США. М., 1999. С. 64

Сформулированные Э. Дюркгеймом основные положения социологии фактов приводят к тому, что право рассматривается как объективный социальный феномен, имеющий принудительное воздействие на сознание и поведение людей. Дюркгейм являлся свидетелем кризисных явлений в жизни общества, отрицательно относился к противоречиям между трудом и капиталом и считал аномийными формы разделения труда, провоцирующие анархию производства. При этом можно говорить о том, что обращение Дюркгейма к проблеме права и правового поведения определяется как деструктивными, кризисными факторами, связанными с препятствиями на пути органической солидарности и гармонии социальных интересов, так и с позитивными, определяемыми авторитетом (влиянием) права.

Право для Э. Дюркгейма имеет и материальное (принуждающее) воздействие, и является зримым символом, по которому можно проследить уровень коллективного сознания, и может быть социологически измерено. Известное положение Дюркгейма о существовании двух типов права (репрессивного и реститутивного) показывает важность в понимании института права как характеризующего социальные отношения в целом.

Репрессивное право дозволительно и практикуется в обществах с механическим типом солидарности, в обществах, где перестали действовать традиции и обычаи, но присутствует эффект аномийного разделения труда и ослаблены социальные связи. Эволюция права приводит к идее социальной реститутивности – влияния права как института прогресса и гармонизации общественных отношений. Архаизация в этом контексте может выступать как побочный эффект применения, засилия репрессивного права. Не принимая карающий характер права, индивиды вынуждены проявлять адаптивный эффект в смягчении правовых норм обращением к считающимся ушедшими в прошлое, несовременными формам восприятия права, замещение правовых норм или их смягчение схемами коллективного

действия, имеющими авторитет, якобы, в далеком прошлом. Особенно это характерно для кризисных периодов развития социума¹⁷.

Разумеется, когда люди обнаруживают, что им трудно координировать свое поведение в соответствии с нормами, но не возникает эффекта отторжения права, это противоречие реализуется путем установления границ допустимого поведения в соответствии с понятием права, с тем, что может носить характер архаической солидарности.

Г. Тард, используя концепцию подражания¹⁸, выводит архаизацию права из теории подражания, из того, что первичные и элементарные формы права закрепляются путем взаимодействий. Приводимые Тардом аргументы в пользу подражания, отрицают коллективный характер правового поведения и связаны с передачей индивидами определенных социальных алгоритмов. Теория подражания Г. Тарда в состоянии интерпретировать архаизацию правового поведения как реакцию на актуализацию права в качестве инструмента изобретения. Архаизация поведения использует в качестве образца обычая, и с архаизацией связывается то, что можно описать как ситуацию неравенства доступа к правовым ресурсам. Если изобретение идет сверху вниз, то на уровне архаизации правового поведения очевидно, что индивиды, принадлежащие к низшим социальным слоям, вводят в действие сопротивление изобретениям. Право означает принудительное осовременивание жизни, влияние внешних изменений, прежде чем это интериоризируется в поведении, осознании человека.

Не сужая значение теории Тарда до пределов диффузии правовых инноваций¹⁹, можно сказать, что в концепции Г. Тарда архаизация правового поведения принимает форму конфликта верований и желаний, социальной

¹⁷ Дюркгейм Э. Самоубийство. С., 1994. С. 237.

¹⁸ См.: Тард Г. Законы подражания, М.: Академический проект, 2011.

¹⁹ Tarde G. Social Laws: an Outline of Sociology. Translated from French by Howard C. Warren. К: Batoche Books, 2000.

логики и социальной телеологии. В конечном счете, ссылка на коллективный опыт умеряет претензии общества на принудительное влияние права. Поэтому правовые нормы не могут играть в общественной жизни роль нормативного ориентира. Необходимый уровень индивидуального правосознания определяется достижением эффекта социального взаимодействия, социальных коммуникаций, где основным является субъективная сторона права, характер осознания действий и мотивов, не связанных обязательно с соответствием поведения субъекта нормам права. Для него гораздо более важными оказываются индивидуальные гарантии, а негативные правовые санкции выступают в виде внешнего заимствования.

М. Вебер в понимающей социологии описывает право достаточно беспристрастно: право является следствием рационализации общественных отношений; протестующий дух исходит из неприятия железной клетки покорности. Для Вебера правомерное поведение соответствует целерациональному типу поведения, связывается с принятием формулы эффективности. Вебер, как отмечает немецкий исследователь Д. Кеслер, критически противопоставлял процессам рационализации, установлению бюрократического порядка – порядку как приоритета современной жизни социально аффективное действие, исходящее из коллективного (архаического) опыта²⁰.

Спасти «остаток человечности» является для Вебера приемлемым гуманистическим мотивом. Но относится к этому архаизация правового поведения? На этот счет следует подчеркнуть, что Вебер, критикуя последствия бюрократизации общества, того, что в той ситуации, в которой право становится инструментом принуждения, безличной социальной силой через бюрократические механизмы, выдвигает в классификации типов поведения возможность ухода, описывая социально аффективное и

²⁰ Немецкая социология. СПб., 2003. С. 158

патриархальное поведение. В своих работах Вебер прослеживает возможность архаизации права, которая связана с понятием оценки права: если признавать ценность права, оно превращается в общезначимое, регулирующее поведение; если же говорить о субъективном восприятии права, вполне возможным является попадание социального действия под влияние тех смыслов, которые являются архаическими.

Отрицая идеализацию архаизации как формы коллективности, М. Вебер рассматривает ее как производную от составляющих поведение отдельных индивидов. Перенос архаизацию правового поведения в сферу понимания мотивации, для М. Вебера наиболее понятным является определение осмысленного действия. Архаизация правового поведения не является и рациональным, хотя его трудно объяснить с позиции правильной рациональности. В архаизации правового поведения присутствуют действия, которые связаны с непонятными психическими или физическими фактами или с незаметными переходами. Но характеристика архаического поведения возможна в сравнении с целерациональным поведением, где степень правильно рационального приближается к объективности.

Таким образом, Вебер ограничивает возможности понимающей социологии в том, чтобы добиться логики осмысления в отличие от целерационального правового поведения и в этом смысле не исключает объяснительного воздействия психоанализа. Поскольку Вебер рассматривает правомерное поведение как целерациональное, для него несущественным является исследование субъективной мотивации как психологической интерпретации, определение значимости института права и то, в какой степени индивиды реально ориентированы на свои действия на право.

Функционалистская трактовка, определение рамок социологии права, изучение функционирования юридических учреждений, развитие правопорядка в частных секторах общества, изучение воздействия права на поведение, изучение права как нормативной системы, определяющей

основные общественные институты и способствующей согласованию друг с другом,²¹ примечательно тем, что признается изучение правопорядка в частных секторах общества и воздействие права на поведение, что содержит легитимацию архаизации права в качестве предмета исследования.

Однако, при более детальном рассмотрении обнаруживается, что архаизация правового поведения связана только с приспособлением правовых норм к стремительным социальным изменениям, то есть подчеркивается ее адаптивная направленность. Нахождение точек соединения правового поведения с архаизацией как процедурой приема коллективных форм опыта, воспринимаемых либо как архаичные, либо как имеющие высокую оценку для индивида, связывается с принятием формулы воздействия права как нормативной системы. Отсюда, субъектный тип, субъектная стратегия архаизации правового поведения, которые получают определенную трактовку в теории ограниченного протеста или желания представить обычай образцом поведения, не исследуется в полной мере.

Эти препятствия предполагается преодолеть в постклассической социологии, где важную роль занимает снятие дилеммы объектности / субъектности и выдвигаемые на первый план подходы ставят целью не институциональную концептуализацию, а исходят из того, что правовые нормы имеют вариативное значение, располагаются по различной степени социального престижа таким образом, чтобы обеспечить функционирование правопорядка в частных сферах и не воспринимать архаизацию исключительно как ограничение правоприменения.

В структуралистском конструктивизме П. Бурдьё, где право может трактоваться как поле (социальная структура), и одновременно являться сферой восприятия мышлением и действием, делает возможным исследование как субъективного представления о праве, так и того, что

²¹ Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 222.

можно квалифицировать как самолегитимация права²². Связь между двумя состояниями социального, субъективацией и объективацией содержит возможность воспринимать архаизацию права как следствие габитуса, социальной структуры нашей субъективности, имеющей практический смысл.

Исходя из диспозиционного анализа, можно говорить не о случайности, а об устойчивости архаичных образцов как замещающих правовые нормы. Для цели диссертационного исследования важно подчеркнуть, что таким образом П. Бурдьё устанавливает необходимость социологического измерения как объективированной структуры, нормативного представления о праве, права как института, и субъективного восприятия, то есть оценки права в представлениях социальных акторов. По этому поводу Бурдьё пишет, что социальный актор действует по логике делегирования, с помощью которого одно лицо предоставляет свои полномочия другому лицу.²³

Архаизация правового поведения связана с тем, что это делегирование не имеет личностного измерения, что в конкретном контексте действует логика субститутизации: институт права подменяется субститутом обычая. Рассматривая этот момент, следует таким образом учитывать, что стратегии архаизации правового поведения связаны с тем, что механизм правового представительства воспроизводит неравенства агентов. Подразумевается, что акторами права являются те, кто обладает правовой компетентностью, то есть имеет необходимый культурный капитал.

Реально право содействует также формированию социального корпуса профессиональных правоведов. В этом смысле отрицается доверенность права. Архаизация связана как раз с сокращением, с компенсацией дефицита

²² Коркюф Ф. Новые социологии. М., 2002. С. 44.

²³ Социология политики. М., 1993. С. 233.

доверенности. Особенность архаизации правового поведения заключается в том, что у агентов, действующих по логике архаизации, отсутствуют ресурсы, необходимые для самостоятельного производства правомерного поведения. Определенная свобода действий происходит через принятие коллективного опыта, как наиболее достоверного и имеющего статус поведенческого ориентира.

Можно констатировать, что с архаизацией связывается низкая степень мобилизации представительства конкретной группы. Это представительство связано с тем, что институт права не объективируется как свой институт, не определяется как институт, заслуживающий доверия. Здесь не может идти речь о совместных практиках архаизации, о том, что архаизация способствует активному сопротивлению воздействию права. Важным условием выступает то, что коллективный опыт представляет обозначаемую группу²⁴.

Таким образом, согласно концепции П. Бурдые архаизация правового поведения имеет измерители в отношении к праву как институту представительства, вернее, дефицита института представительства; во-вторых, можно описать степень обозначения определенной группы через принятие коллективных норм опыта. Это может носить характер бессознательного, но имеет осознаваемые последствия. Коллективные формы могут представлять образ общности, существовавшей в прошлом, а не в актуальной действительности.²⁵ Архаизация чем удобна так это тем, что не в состоянии моделировать определенный образ действий, а подражать им, вернее изменяться под влиянием тех требований и ожиданий, которые выдвигает обозначаемая группа.

²⁴ Россия – трансформирующееся общество. М., 2001. С. 113.

²⁵ Там же. С. 113.

Для Э. Гидденса важным признаком архаизации можно считать ее ориентированность на алгоритмы практического действия. Архаизация может быть отнесена к сфере практического знания – знания, которое обретает характер независимости от ее носителей и имеет определенную логику действий в том, что определяется субъективацией, а не интеграцией права. Это означает, что институт права не способствует в контексте архаизации правового поведения объединению граждан, не делает их осознаваемыми в качестве субъекта права, носителей прав и обязанностей.

При разработке данной проблемы необходимо учитывать, что в архаизации действует социальный конструктивизм, то есть степень освоения правовых норм не связана с существующей нормативной структурой. В «действие» вступают социально компетентные индивиды. Если понимать архаизацию в контексте иррационального, того, что Вебер относил к неосознанному смыслу, то можно говорить о низкой рефлексивной способности индивида. Но у Гидденса, так как практическое знание направлено на то, что акторы знают неявным образом, все то, что они умеют делать в социальной жизни не будучи в состоянии выразить это дискурсивным образом,²⁶ можно говорить о том, что исследование архаизации лежит в сфере определения форм постижения и побуждения, воспринимаемых в сознании уже в деформированном виде²⁷.

Отечественная социальная мысль определяет отношение к проблеме архаизации правового поведения в контексте двух позиций. Первая состоит в том, что феномен архаизации правового поведения связан с архаичностью российского общества. В свое время эту идею обосновал А. С. Ахиезер²⁸. Этой точки зрения придерживается и Ч. Ламажаа, который трактует

²⁶ Гидденс Э. Устроение общества. М., 2001. С. 440.

²⁷ Коркюф Ф. Новые социологии. М., 2002. С. 72.

²⁸ Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 89–100.

архаизацию как бессознательный спонтанный возврат к примитивным формам организации и самоорганизации²⁹.

Сужение проблемы архаизации правомерного поведения к смысловой инверсии, возврата к формам прошлого, имеет определенный объяснительный потенциал в том, что закрепляет за российским обществом статус общества немодернизированного. С другой стороны, такое макросистемное объяснение имеет недостатки, связанные с тем, что уже в трудах российской философии права были зафиксированы определенные противоречия между представлением о правопорядке и прочими условиями и факторами общественного развития.

Стратегия архаизации, таким образом, заключается в том, чтобы создавать критическую массу давления на организованный порядок с целью принятия государством формулы взаимного нейтралитета. Эта же мысль развивается в работах В.Г. Федотовой, которая указывает, что в посткоммунистической России архаизация осуществляется в форме противопоставления анархии и порядка. Так, В. Г. Федотова пишет, что при доминирующем уровне адаптации в российском обществе может интерпретировать стремление к анархии в противовес порядку, к воле вместо свободы как массовой реакции на готовность общества действовать правомерно. Эта неготовность определяется тем, что Федотова выдвигает идею архетипического сходства верхов и низов³⁰.

Анархический (архаический) индивид характеризуется тем, что с постоянством присущей ему черты может быть формой порядка³¹. Этот порядок не совпадает с организованным правопорядком и определяется тем, что в отношениях между обществом и государством по договоренности,

²⁹ Ламаджаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Гуманитарные науки: теория и методология. 2011. Вып. № 3. С. 35-42.

³⁰ На перепутье. М., 1999. С. 121.

³¹ Там же. С. 126.

неформально устанавливается сфера неправовой свободы в том, что выживание и безопасность граждан не имеют отношения к государству³². Происходит разрыв и с этикой, и с правом. Архаизация приобретает форму достижения непосредственной справедливости в обществе, когда государство рассматривается как всегдашний источник несправедливости³³.

Таким образом, архаизация, отождествляемая с анархической личностью, с анархизмом как формой проявления особого порядка, определяется, во-первых, тем, что в России право есть архетипическая солидарность власти и общества по поводу невозможности построения правового государства; во-вторых, тем, что отношения государства и личности характеризуются известным антагонизмом справедливости / несправедливости; в-третьих, тем, что возможность исследования архаизации связана с определением правовой реальности, которая имеет презентативность через отношения государства и личности.

Такой подход позволяет квантифицировать проявления анархизма, анархизм как сопротивление закону, уход от налогов, дистанцирование или отчужденное отношение от государства. Вместе с тем, есть определенная исследовательская сложность, состоящая в том, что если судить по предзаданности тезиса, что в России анархисты составляют большинство самодеятельного населения, и что архаизация связана с жизнью за пределами социальных структур, остается невыясненным вопрос о том, каково действие данных субститутов, замещающих именно западные институты (вместо рынка – базар, вместо свободы – воля, вместо толерантности – за единство)³⁴.

Ж.Т. Тощенко предлагает рассматривать травму антиномии как новой черты общественного сознания и поведения в России, определяет показания, состояния и тенденции общественного сознания и поведения как

³² Там же. С. 124.

³³ Там же. С. 120.

³⁴ Там же. С. 124.

причудливого сочетания оценок и комбинаций (размытость, неопределенность, фрагментарность и переменчивость ценных ориентаций, установок социального настроения, общественных и личных интересов)³⁵.

В данном исследовательском контексте архаизация правового поведения связывается с деформированностью общественного сознания, с тем, что абсолютизация или превалирование идеи одних социальных групп над другими, цели и намерения которых не совпадают, чреватые социальными напряжениями³⁶. Во-вторых, появление травм и антиномий связано и с декларированием правовых позиций и с тем, что представляет состояние реального правоприменения. Согласно позиции Ж.Т. Тощенко, можно говорить о том, что архаизация правового поведения является следствием травматического эффекта определенных событий: распада Советского Союза, дезинтеграцией системы единого правового пространства и в ее основе лежат приводимые в движение коллективным агентством замещение правовых норм.

Таким образом, можно говорить и об адаптивной (неосознанной), и о намеренной (сознательной) формах архаизации. Слабое государство и присутствие критичности, которая связана с позицией не активного вмешательства, а дистанцированности, приводят к тому, что институт права не воспринимается как институт социальной коммуникации. Это вписывается в общую оценку правовой сферы. При ощущении нарушений социальной справедливости наблюдается перемотивация в правовом поведении на образцы и обычаи, которые сочетают противоречивость оценок правовой ситуации: с одной стороны, критики правового неравенства, с другой – возможности в условиях неопределенности примирить сумятицу правовых убеждений и взглядов с отношением к повседневной жизни.

³⁵ Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М., 2015. С. 14.

³⁶ Там же. С. 15.

Поэтому архаизация может считаться как следствие многообразия в обществе различных взглядов на правовую систему и правопорядок.

Показателями, характеризующими архаизацию правового сознания, можно считать, с одной стороны, усиление социального изоляционизма и национализма, что приводит к подозрению и отвержению правовых норм как избыточно гуманистических и терпимых;³⁷ с другой стороны, возможность антиномичным путем (противоречиво) ликвидировать ощущение правового диссонанса, интерпретировать правоприменение в рамках того, что замещающие и реальные нормы в одинаковой степени претендуют на истинность существования и на возможности реализации в правовом поведении.

Поэтому вполне объяснимо, что присутствие взаимоисключающих оценок ослабляет универсализацию отношения к праву и правовому поведению и содержит возможность для архаизации правового поведения определенными социальными группами. К этим группам, если исходить из выводов Ж.Т. Тощенко, относят тех, кто имеет небольшие притязания к жизни, включен в систему самоадаптации и, следовательно, ориентирован на правовую автаркичность; с другой – группы, которые могут преследовать взаимоисключающие цели, использовать архаизацию в качестве повышения оценок возможностей своей социальной позиции.

Таким образом, можно говорить о том, что выявлены факторы, способствующие архаизации правового поведения, что связано, с одной стороны, с деформацией (дезориентированностью) общественного сознания, потерей смысла права как регулятора общественной жизни; с другой – субъективными, определяющими возможность примирения противоречащих оценок права, включающими как признание неуниверсальности права, так и

³⁷ Там же. С. 36.

применение архаичных образцов по отношению к конкретным жизненным ситуациям.

В работах М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги отмечается, что противоречивость отношения российских граждан к правовому поведению заключается в том, что институт права еще не стал институтом социокультурной модернизации общества; что значимым фактором правового поведения является отношение личности и государства. Проецируя свое отношение к государству как желательному сильному, но слабому, чтобы вмешиваться в сферу завоеванной неправовой свободы, россияне определяют свое отношение к состоянию правопорядка как имеющего тенденцию к ухудшению.

Переосмысление основных достижений в сфере права разделяется на общезначимые и личные аспекты. Признавая необходимость демократических прав и свобод, население в силу того, что новые возможности смог освоить только узкий круг людей, в большей степени проецируют значимость права на социальный микроуровень, где право проигрывает формам коллективного опыта по мере роста неудовлетворенности.

Важным фактом является то, что ухудшение социального самочувствия связано с сужением каналов социальной мобильности, что ведет к консервации социальных притязаний и усиливает притягательность коллективных форм, содержащих возможность стабильного социального самочувствия. По данной исследовательской схеме можно говорить о корреляции показателей социального самочувствия и социальной самооценки с отношением к праву как нормативной системе к тому, как функционирует нормативный институт права, и каким образом право, как регулятор общественной жизни, оказывает влияние на установление частных, исключая или снижающих влияние права, порядков.

Таким образом, утверждается парадигма изучения архаизации правового поведения с позиций не только принципов правового неравенства (неравенства ресурсов права), но и реальных процессов архаизации права, связанных с повышением субъективной мотивированности к принятию архаичных образцов в качестве нормы, замещающих право.

Между тем, правовая система, нуждаясь не столько в приведении к формуле правового государства, сколько в том, чтобы стать, по мнению В.В. Лапаева, легитимизацией социальной системы. Можно констатировать, что В.В. Лапаева определяет право в рамках отхода от советской традиции видеть в праве не только социальную «обусловленность», но и ключевой вопрос, который стоит перед преобразованием права, состоит в том, чтобы уходить от действенности законодательства³⁸ и рассматривать право как правопонимание, рассматривать проблемы правопонимания, ориентированного на право в действии.

При такой классификации важным становится исследование возможности воздействия на поведение людей средствами политико-правового, властного регулирования, а также для выявления социальных условий, при которых такое регулирование может быть эффективным. Для В.В. Лапаевой очевидно, что право нуждается и в неправовых средствах обеспечения своего действия, и на пути к анализу действительного смысла и роли права в общественных отношениях имеет значение адекватность права регулируемым общественным отношениям, его способность отражать объективные потребности общественной жизни³⁹.

При этом следует, очевидно, исходить из того, что необходимо введение понятия групп интересов – групп, которые артикулируют свои интересы, то есть выражают их как настоятельные требования. Рассмотрение

³⁸ Лапаева В.В. Социология права. М., 2000. С. 165.

³⁹ Там же. С. 177.

В.В. Лапаевой проблем принятия законодательных правовых решений на основе изучения правообразующего интереса подвигает ее к тому, чтобы рассматривать и анализировать архаизацию правового поведения в контексте действия групп интересов, то есть выводить формулу конструируемой архаизации.

Конкретизируя это положение, автор говорит о конкретных проявлениях общеправового принципа формального равенства и той сложности, которая связана с распределением правовых ресурсов. Место права в системе социальных связей требует рассмотрения социальных предпосылок формирования права, а с другой – социальных последствий действия права и проблему эффективности законодательства. Для В.В. Лапаевой архаизация правового поведения связана с воздействием второго фактора – неэффективность права может привести к архаизации общественных отношений, то есть в самой природе права можно усмотреть источник архаизации.

Когда не проявляются интегративные функции права, а с правом не связывает социализация, можно говорить о том, что право не только не стимулирует процесс социальной интеграции, но и ведет к тому, что, с одной стороны, неадекватное истолкование смысла права, а с другой – наличие не репрессивных механизмов права, может привести к искусственному единству различий, которые создают то, что В.В. Лапаева описывает как анархический эффект.

Об этой особенности действия правовых механизмов говорил В.С. Нерсисянц, для которого опыт советского легизма подсказывает освобождение от комплекса социальной неполноценности права и необходимость рассмотрения неправового механизма как способа разведения права и нравственности. Необходимость выхода за социально-исторические

рамки социализма как правоотрицающего переходного строя,⁴⁰ требовали обоснования понимания права как всеобщей формы и равной меры свободы индивида.

Различая право и свободу, Нерсесянц, тем самым, отмечает, что опасность их смешения состоит в том, что закон может быть неправовым, и в этом смысле архаичные нормы, как неправовые, представляют конкуренцию закону: если закон неправовой и несправедливый, то последствием является отношение к праву как конвенциональному соглашению, способному переменить или уступить значение коллективным формам как более соответствующим коллективным формам (обычаю), как более соответствующих здравому смыслу.

Таким образом, можно сказать, что отечественная научная традиция исходит из двух трактовок архаизации правового поведения. Первая связана с институциональным подходом, с отрицанием значения института права и его маргинализацией в общественной жизни, что подвигает видеть источник архаизации в недостаточном воздействии права на формирование правообразующего интереса. Другой подход, характеризуемый как субъектно-оценочный, заключается в том, что восприятие права характеризуется образами права в определенных группах населения и теми ожиданиями, которые разделяются по поводу реализации права как меры достижения равенства и свободы человека.

Зачастую ученые обращаются к явлению архаизации в контексте проблемы инновационного развития российского общества и перспектив перехода России в новое социальное качество, стремясь выявить барьеры на пути перехода в новое социальное качество, ассоциирующееся с внедрением

⁴⁰ Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1998. С. 105.

и распространением инноваций⁴¹. Философы же, в свою очередь, обращаются к социологическому эмпирическому инструментарию для выявления конкретных форм и тенденций архаизации и неотрадиционализации в различных, как правило, мультикультурных регионах страны⁴². При этом процессы архаизации и неотрадиционализма, в целом рассматриваемые как обращение общества к традиционному социокультурному опыту, сложившемуся в прошлом, различаются по критерию стихийности/сознательности в отношении использования социальных практик, базирующихся на прошлом социокультурном опыте: архаизационные связываются с фактором стихийности в условиях социальной неопределенности и нестабильности, а неотрадиционалистские - с целенаправленной деятельностью социальных групп, индивидов, социальных институтов в области возрождения и закрепления культурных традиций, на разных исторических этапах сложившихся в данном обществе. Однако, дифференцируя архаизацию и неотрадиционализм, ученые признают

⁴¹ Гофман А.Б. От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков // Традиции и инновации в современной России: социологический анализ взаимодействия и динамики. М., 2008. С. 9–112; Зарубина Н.А. Инновационное развитие России в цивилизационном и институциональном контексте // Мир России. Социология. Этнология. 2015. № 2. С. 28-49; Суркова И.В. Традиции и инновации в социальной сфере российского общества в условиях современных реалий // Гуманитарий Юга России, 2018. Том. 7. № 3. С. 130-138.

⁴² Ламаджаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Гуманитарные науки: теория и методология. 2011. Вып. № 3. С. 35-42; Ламажаа Ч.К., Абдулаева М.Ш. Архаизация и неотрадиционализм: Российские региональные формы // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 68-80; Ламажаа Ч.К., Намруева Л.В. Комплексные проявления неотрадиционализма и архаизации в регионах Южного федерального округа // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 27-39; Ламажаа Ч.К., Хайруллина Н.Г. Архаизация и неотрадиционализм в регионах Уральского федерального округа // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 29-38.; Лапшин В.А. Неотрадиционализм в Центральной России: формы, движения, идеология // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 102-108.

условность подобного различения данных сложных процессов, тесно связанных между собой.

На различении традиционализма, неотрадиционализма и архаизации настаивают и другие ученые, подходящие к изучению данных явлений и процессов с позиций культурологического и социально-философского методологического осмысления⁴³. Но, пожалуй, самый значительный вклад с точки зрения методологической проработки и выявления предметной специфики изучения архаизации в различных областях научного знания и сферах проявления в общественной жизни принадлежит А.С. Ахиезеру, идея которого о сущностных основаниях проявления архаизации через исторически сложившиеся культурные программы, обращение к которым становится значимым фактором общественного развития, хоть и не соответствующим вызовам сложного мира, с чем и связываются тенденции общественного регресса⁴⁴, становится идейной и методологической основой многих научных исследований, в которых определяется модальная специфика социального поведения населения России в различных сферах жизнедеятельности⁴⁵, в том числе и в правовой⁴⁶. Так, в частности, Лубский

⁴³ Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 89–100; Ревуцкая Е.А. Архаизация в российском социокультурном процессе // *Грамота*. 2013. № 4 (30). С. 150-153; Сергеев Д.В. Социально-культурная ситуация в России начала XXI в. : рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика // *Мир России. Социология. Этнология*. 2012. № 3. С. 100-118; Сычева Т.М. Проблема архаизации: некоторые методологические подходы // *Манускрипт*. 2018. № 5 (91). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-arhaizatsii-nekotorye-metodologicheskie-podhody>.

⁴⁴ Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 93.

⁴⁵ Lubsky A.V., Kolesnykova E.Y., Lubsky R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Vol. 11. No. 16. P. 9549–9559.

Р.А., Крупеникова Л.Ш., в русле идейных положений теории архаизации, раскрывают специфику модальных моделей правового поведения в российском обществе в различных этнокультурных регионах с позиций влияния ментальных программ, соответствующих определенной культуре, и трансформационных социально-политических процессов. В результате такого подхода была предложена типология правового поведения, в которой исследователи выделили либеральную, либерально-государственную, государственно-либеральную и консервативную модели правового поведения в России⁴⁷.

В научных оценках в качестве доминантных фигурируют негативные коннотации, связанные с архаизацией как тенденцией социального и культурного развития современной России⁴⁸. Это находит также отражение и в интерпретации современной социально-политической реальности России, которая рассматривается исследователями как моделируемая в формате архаизации⁴⁹. Однако не для всех ученых характерна критическая позиция в

⁴⁶ Гуляихин В.Н. Правовой менталитет российских граждан // *ВВ: Вопросы права и политики*. 2012. № 4. С.108-133; Крупеникова Л.Ш., Лубский Р.А., Пестов Р.А. Особенности модальных моделей правового поведения в полиэтнических регионах на Юге России: сравнительный анализ // *Философия права*. 2018. № 3 (86). С. 117-122.

⁴⁷ Лубский Р.А., Крупеникова Л.Ш. Модальные модели правового и политического поведения различных социальных групп в трансформирующемся российском обществе (на материалах социологических исследований) // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2017. № 8-9. С. 92-98.

⁴⁸ Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М. Деструктивные аспекты социальных трансформаций: аномия, архаика, девиация // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2014. № 3 (19). С. 94-101; Антипов М.А., Дорошин Б.А. Деинституализация как проявление архаизации постсовременного общества // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2013. № 3 (50). С. 29-33; Хоружая С.В., Салчинкина А.Р. Архаизация и деградация в социокультурном пространстве // *Манускрипт*. 2017. № 5 (79). С. 194-196.

⁴⁹ Исаков А.Л., Ермоленко В.В. Моделирование архаизации политического процесса как методологическая проблема социально-гуманитарного знания // *ИВД*. 2011. № 3. С. 385-389;

отношении оценки влияния архаизации на социальные процессы и поведенческие установки российского населения. В частности, Л.В. Карнаушенко⁵⁰, обращаясь к институту права в контексте тенденций архаизации в российском обществе, считает методологически неверным отождествлять архаизацию в регрессивным, антипрогрессивным началом в динамике общественного развития, поскольку в эпоху скоростных изменений и глубоких трансформаций архаизация выступает в роли защитного механизма общества.

Итак, в контексте вышеизложенных подходов очевидным становится необходимость формирования теоретико-методологического конструкта исследования, требующая определения общих и особенных констант архаизации правового поведения в российском обществе с точки зрения накопленного знания в дисциплинарных практиках социально-гуманитарного блока. В целом по параграфу можно сделать следующие выводы:

– во-первых, архаизация правового поведения определяется пониманием правового поведения как общезначимого и имеющего юридические смыслы и в этом контексте архаизация рассматривается как эффект рационализации общественных отношений или принудительного репрессивного воздействия права;

– во-вторых, с архаизацией связывается актуализация форм коллективного опыта, габитуса в интернализации правовых практик и объективирования архаичного правового поведения как выражения групп правовых интересов неправовыми способами;

Ачкасов В. А. «Взрывающаяся архаичность»: традиционализм в политической жизни России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 160 с

⁵⁰ Карнаушенко Л.В. Институт права в аспекте процессов архаизации и модернизации современного общества // Вестник КРУ МВД России. 2016. № 2 (32). С. 88-92; Карнаушенко Л.В. Тенденции архаизации трансформирующегося российского общества и проблема криминализации // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 10-14.

– в-третьих, архаизация права в российском обществе связана либо с традицией неприверженности праву, слабости института права и пониманием правового государства как сильного репрессивного государства, что создает стремление к анархии, к конструированию пространств неправовой личной и групповой свободы; а также с тем, что восприятие и оценки права в российском обществе связаны с смещением права и законности, а предъявляемые требования по поводу несправедливости закона переносятся на право, создавая тем самым в качестве последствия возможность замещения права коллективными архаичными формами.

1.2 Архаизация правового поведения в российском обществе: теоретико-методологический конструкт исследования

Отмечая, что в российском обществе архаизация правового поведения проявляется в замещении норм права образцами коллективного опыта, возводимыми в обычай, адресованному образованию справедливости / несправедливости закона, можно вместе с тем отметить, что архаизация правового поведения связывается с сегментацией единого правового порядка, сегментированностью правового порядка, слабостью организованного правопорядка, с тем, что в отдельных регионах происходит отступление или замещение права формами адата и иных народных практик.

Между тем, архаизация правового поведения не может быть сведена только к свидетельствам нарушения действующего законодательства или утраты значения права выстраиванием параметров параллельных норм права. Рассматривая эту проблему, следует обратить внимание на то, что элементы архаизации правового поведения в той или иной степени присущи всем правовым системам, что часто выдвигаемые как требования современности изменения права в реальности связаны с изобретаемой (конструируемой)

традицией, и ссылка на древность может использоваться для достижения определенных политико-правовых целей.

Поэтому рассматривать архаизацию правомерного поведения как очередное подтверждение того, что Россия так и не вступила на правовой путь развития, не присоединилась к цивилизованному сообществу, где право является основной конститuentой общественной жизни, означало бы до нельзя упрощать ситуацию. В исследованиях Л. Гудкова подчеркивается, что в России архаизация правового поведения связана с социальной и этнической неприязнью, что иные народы воспринимаются как угроза безопасности и порядку⁵¹. В современном обществе, отмечает Л. Гудков, главную роль играют те значения, которые определяют систему вознаграждений и санкций для действий индивидов, чье поведение мотивировано нормами и ценностями специализированных институтов, причем не одного какого-то, а их системы. Право относится к представительским институтам и вырабатывает соответствующие представления о человеке и обществе. Важно поэтому позитивная правовая идентичность, которая задает горизонт в характере связей и отношений, по сути, социального взаимодействия.

Логика Гудкова состоит в том, что в России право не выступает условием формирования позитивной (гражданской) солидарности, и причина ему видится в «поношении» ценностей права, в том, что российская правовая система создает ситуацию легального насилия, а нормативным принципом права выступает институционализация прикрепленности к государству и соответствующих этому множества безусловных ограничений и неформальных предписаний. Угнетающе ощущение права заключается в том, что в российском обществе до сих пор в качестве прогрессивного выступает

⁵¹ Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004. С. 191

симбиоз регулируемой, управляемой сверху демократии, деэтизации экономики.⁵²

В силу этого обстоятельства институт права не рассматривается в качестве имеющего эффект на повседневные отношения россиян и их поведенческую мотивацию. Не считая, что в России существует инерция тоталитарных институтов, Гудков полагает, что сохраняются элементы неожиданного насилия, принуждение к невольному принятию других условий действия, чем это задается общепринятыми конвенциональными ожиданиями и нормами, которые декларируют формальные организации.⁵³

В канве данных рассуждений архаизация правового поведения рассматривается как альтернатива непрямому принуждению и как то, что может выступать для индивида как конвенциональные отношения, задаваемые неформальными правилами. Таким образом, приоритетным для автора является исследование архаизации права как, во-первых, в контексте показателей непрямого насилия, задаваемого, прежде всего, государством, как условия, вызывающего стимулирование архаизации правового поведения; во-вторых, как частота обращения к конвенциональным отношениям, определяемым в рамках коллективного опыта.

Такой ряд показателей имеет целью подчеркнуть то, что в российском обществе право воспринимается в неправовом смысле, как инструмент давления и принуждения со стороны групп, монополизирующих ресурс права, а архаизация правового поведения является «контрсанкцией» со стороны групп, не имеющих возможности правового представительства своих интересов. Короче говоря, Л. Гудков предлагает рассматривать архаизацию права вследствие неразвитости права как представительского института.

⁵² Там же. С. 450.

⁵³ Там же. С. 14.

К этой позиции примыкают И. Яковенко, Б. Дубин, для которых архаизация связана как с общими тенденциями реконструирования государством архаичных идентичностей (православие), так и с тем, что в обществе утверждается консенсус неправового порядка. Российские элиты заняты мифологизацией образа страны и ее истории, что приводит к оформлению идеологических конструктов образа «мы в мире»⁵⁴ для «коррекции» института права, выдвижение соображений, связанных с имитативной демократией, то есть усиление имитирующего эффекта права и осознание потребности в архаизации.

Мысль И. Яковенко о том, что в России внутренние ресурсы архаизации исчерпаны, что российское общество свободно от традиционализма, является антитрадиционалистским создает условия, что главными факторами архаизации права выступают внешние факторы, что в ходе архаизации, как и формирования базовых идентичностей, внешние факторы и объективные обстоятельства становятся доминирующими. К внешним факторам относится курс на самоизоляцию России, что приводит к утверждению особого пути развития России и российской правовой системы. К объективным обстоятельствам – то, что позитивное право и стимулируемое правовое поведение не соответствуют задачам формирования имитативной демократии.

Смена модели идентичности приводит к архаизации права, поскольку в условиях осваиваемой реальности института права и того, что на одном полюсе российского общества формируется социальное дно, а на другом складывается средний класс и формируется общество потребления,⁵⁵ право перестает играть регулирующую роль потому, что в стратегиях консьюмеризма право ситуативно, а для социального «дна» право утрачивает

⁵⁴ Пути России: существующие ограничения и возможные варианты. М., 2004. С. 208.

⁵⁵ Там же. С. 216.

всякий смысл. Востребованность архаичных коллективных форм связывается с тем, что они являются сильными внешними объединителями этих социальных полюсов. Консюмеристское поведение безразлично к ценности права, в то же время, нуждаясь в актуализации коллективных образцов в качестве оборонительных, а для социального дна архаизация правового поведения связана с повышением социальной самооценки и социального самочувствия.

Вот почему, имея разнонаправленные смыслы в актуализации коллективного опыта, достигается нестабильный консенсус, связанный с признанием особой исторической миссии России. Очевидно, что для автора формирующийся комплекс потребительского поведения не может быть основой правового поведения, хотя в нем и содержится терминальная ценность права. Социальное дно в рамках социальной самоизоляции предъявляет свои претензии тем, что выступает от имени народа, носителем народных практик или действует по логике присоединения к государству, которое проявляет интерес к реконструированию архаичной политики и архаичных идентичностей.

Действительно, в российском обществе можно говорить об исчерпании государственно-центричной матрицы развития,⁵⁶ но не в смысле либеральной идеи минимизации отмирания государства, а важнейшим моментом является то, что оформилась потребность в насильно правовом государстве, на то, чтобы модернизация общественно-политической жизни и экономики связывалась с развертыванием публичной сферы действия права. Адаптация формальных правовых институтов к нуждам этой системы представляется оправданным, и в этом смысле архаизацию правового поведения нельзя связывать с актуализацией тоталитарного права или законодательным допущением расширения сферы неправовой свободы.

⁵⁶ Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. М., 2002. С. 34.

Поэтому актуальным представляется рассмотрение модели выбора между правом и деформализацией права, тем, что существующие практики правотворчества и правоприменения оказываются успешными, если базируются на принятии социально-культурного контекста правопорядка, и в соответствии с логикой построения правовой системы допускают горизонтальные связи, которые не сводятся к иерархическим и субординационным в правовых отношениях. Также реальностью является, что действующие в России законы часто содержат и внутренние противоречия, и нестыковки с другими юридическими законами.⁵⁷

Это может провоцировать к росту интереса к коллективным формам опыта, которые на первый взгляд кажутся более эффективными, чем действующие и вводимые правовые нормы. Вместе с тем, следует отметить, что различные социальные группы не одинаково воспринимают правовую действительность и в последние годы вновь актуальными становятся вопросы правопонимания.⁵⁸ Авторы предлагают ввести градацию правового инфантилизма, правового нигилизма и деформации перерожденческого правосознания в российском обществе.⁵⁹

Очевидно, что сведение практик отрицания права к данной градации имеет определенный объяснительный смысл и соотносится с тем, что называется прагматизацией права. Однако архаизацию правового сознания нельзя рассматривать исключительно «по корыстным» мотивациям. Вероятно, для формирования теоретико-методологического конструкта исследования определенного внимания требуют и объективные факторы архаизации правового поведения, и мотивация, которая может строиться как на «идейных», так и на корыстных мотивах. Таким образом, теоретико-

⁵⁷ Там же. С. 47.

⁵⁸ Баранов П.П., Овчинникова А.И. Актуальные проблемы теории правосознания и правового мышления. Ростов н/Д, 2006. С. 19.

⁵⁹ Там же. С. 21 – 22.

методологический конструкт не может представлять «монолитную» парадигму, так как определяется состоянием архаизации по признакам отношения совокупности социальных и культурных факторов.

Аккумулируя оценку архаизации правового поведения в российском обществе, следует также подчеркнуть, что внедрение института права в 90-е годы сопровождалось более повышенными ожиданиями, чем это наблюдалось на практике. Иными словами, в обществе существовала убежденность в преобразующей роли права в том, что право способно сдвинуть с мертвой точки многие застаревшие проблемы в обществе и обеспечить безболезненный переход к демократическому состоянию и экономическому процветанию. Это суждение было ошибочным, так как становление института права может дать соответствующий позитивный эффект, если правовое поведение закрепляется и системой правовой социализации, и правовой компетентности граждан, а также эффективностью практик правотворчества и практики правоприменения.

В то же время, не приходится надеяться на то, что приведение аргументов в пользу отсталости российского общества от современных форм правопонимания, недооценки «силы» права являются окончательными убедительными аргументами. Если ссылаться только на объективные обстоятельства или преувеличивать роль идейного и культурного наследия неправовой традиции в российском обществе, получается односторонняя картина. Правовое поведение россиян, во-первых, характеризуется дифференцированностью: существуют различные модели поведения у граждан России, и то, что констатируется как общая оценка правового нигилизма, в реальности связана с неэффективностью правоприменения. Следует различать отношения граждан к праву, лежащие в основе мотивации правового поведения, и эффективность правоохранительных структур, характеризующих рост неправомерного поведения населения. Это очень важно в связи с тем обстоятельством, что архаизация правового поведения

необязательно вызывает юридические последствия, и в большей степени относится к бытовой сфере, к социальному микроуровню, где правовое регулирование действует весьма ограниченно.

Вместе с тем, приобретая характер массовости, кумулятивного эффекта, архаизация правового поведения может сдвинуть общество в пользу неправового выбора, отказа от формально-правовых институтов. Учитывая это обстоятельство, следует говорить о том, что в анализе архаизации правового поведения следует определять параметры его социальной капитализации, того, каким образом архаизация правового поведения определяет характер и качество взаимодействия между общим и частным⁶⁰.

В условиях архаизации правового поведения возможно возникновение иных, чем гражданская, форм сплоченности, направленных на преследование узких местнических интересов. Поэтому существуют основания считать, что низкий уровень интегрирующего влияния права может вызвать потребность в архаизации как более действенном и понятном инструменте сближения позиций граждан или их согласия по конкретным социальным позициям. Очевидными в этом отношении выступают критерии доверия и сплоченности, которые вызывают или не вызывают обращение к коллективным формам опыта, имеющим, если и бессознательное применение, то вполне осознанные преднамеренные последствия.

При отсутствии консенсуса в обществе по отношению к институту права, уместным представляется исследование правового поведения по структурным и институциональным параметрам, по тому, как социальные неравенства, различия диспропорций влияют на возможность принятия коллективных архаичных форм поведения, и каким образом отношение к институту права, доверия / недоверия может вызвать в качестве последствия архаизацию правового поведения. Дело не только в том, что значительная

⁶⁰ Социальный капитал и социальное расслоение в современной России. М., 2003. С. 10.

часть населения проявляет интерес к архаичным практикам и архаичной идентичности. Гораздо важнее то, что на смену советской государственно-центричной модели не пришел приемлемый правовой порядок, который бы удовлетворял потребности постсоветских поколений в совокупности правовых принципов, воспринимаемых как мера свободы, ответственности и равенства.

Таким образом, формируемый методологический конструкт направлен на выявление объективных, субъектных и субъективных критериев архаизации, и связан с анализом макро- и микроуровня, институтов и поведенческих стратегий россиян в правовой сфере.

Исходя из того, что архаизация правового поведения в российском обществе имеет локальные рамки актуализации и дисперсна, разбросана в той или иной степени в различных социальных группах и слоях, и нельзя назвать группу концентрации архаичных признаков поведения, за исключением тех, кого относят к этноконфессиональным меньшинствам, можно говорить о том, что архаизация, как она есть, не означает становления нового образа жизни, социально референтного образа правового поведения. Толерантность (терпимость) к проявлениям архаичного правового поведения имеет подтверждение в том, что россияне, находясь в ситуации недоверия к институту права, рассматривают правовые инновации, становление гражданско-правовых норм непродуктивными⁶¹.

Вместе с тем, можно говорить о том, что исследование данного поведенческого феномена вписывается в мейнстрим анализа правового поведения российского общества. Определяя вслед за психологами архаизацию правового поведения как актуализацию поведенческих стереотипов, можно сказать, что эпоха правового модернити в российском обществе и порожденными ими правовые изменения способствуют

⁶¹ Горшков М.К. Российское общество как оно есть. М., 2011. С. 254.

ослаблению примордиальных архаичностей и усилению других, социально конструируемых, к которым несомненно относится и приверженность к неправовой традиции. Ссылки на то, что российское общество неправовое по своим культурно-историческим параметрам, что архаизация правового поведения является естественной в силу базовых социальных идентичностей, не определяет того, почему институт права не имеет действительного регулятивного характера.

Позиция сторонников концепции негативной идентичности делает ясным, что «плата» за внедрение института права в российском обществе является весьма высокой: высокой в том смысле, что причина правового негативизма состоит в том, что основные общественные сферы не поддаются эффективному правовому регулированию. В рамках сложившегося правопорядка интересы государства оказываются наиболее лучшим образом воплощенными неправовыми институтами, и в некоторой идеальной проекции именно правовые институты, в частности армия, являются выразителем идеи суверенитета и внешних притязаний⁶².

Дефицит модальности института права влечет за собой в качестве последствий реальную конкуренцию форм коллективного опыта как менее формализованных, гибких и удобных для стратегий выживания и самоадаптации. Разумеется, в публичном дискурсе проблема архаизации правового поведения не рассматривается как существенно определяющая судьбу права в российском обществе, но от этого влияние архаизации правового поведения не только на правовую сферу, но и на другие сферы российской жизни не остается незамеченным.

Предлагаемая Ж.Т. Тощенко концепция фантомов общественного сознания придает исследованию архаизации определенный аспект, связанный с тем, что в состоянии дезориентированности и дезорганизации российского

⁶² Пути России: существующие ограничения и возможные варианты. М., 2004. С. 177.

общества архаизация правового поведения из аномального явления, не вписывающегося в привычные одобряемые обществом формы организации социальной жизни, имеет не исключительную, а частную форму проявления⁶³.

При том, что этому способствуют объективные тенденции развития правовой сферы, отношение к государству как имеющему слабое влияние на регулирование общественной жизни, при том, что часто мифологизируется сила государства, делает возможным не просто реабилитацию архаичных форм поведения, но и на возмещение тех утраченных иллюзий в особую значимость права, которой питали общество в 90-е годы XX века. Не следует сбрасывать со счетов такую вещь, как появление архаичного (анархического) типа личности, так как анархических установок в той или иной мере придерживается большинство населения России, правда, если не считать, что в абсорбированной или частично проявляющейся форме.

Поэтому для исследования архаизации правового поведения необходимо основываться на принятии объективных (институционально-структурных) критериев, характеризующих роль и значимость права в общественной жизни, но при этом стремиться к балансу с критериями субъектными (идентификационными), определяющими возможности использования коллективных форм для возмещения недостатка правовой субъектности. В частности, особое внимание следует уделить тому, каким образом архаичное правовое поведение позволяет или способствует принятию неправовой идентичности, тому, что можно описать как изучение развития правопорядка в частных секторах общества, сконцентрировавшись на изучении воздействия архаизации на поведение человека.

В российском контексте архаизация правового поведения также имеет явно выраженный аспект признания национальной традиции. Вместе с тем,

⁶³ Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М., 2015. С. 63.

архаизация правового поведения проявляется в сохранении сферы неправовой свободы в анархизме, которому способствует как формирование анархического типа личности и сложившийся нейтралитет по поводу правоприменения и правоограничения между населением и государством, и тем, что Ж.Т. Тощенко определяет как объективную тенденцию усиления роли субъективного фактора, субъектности, значимости жизнедеятельности социальных групп⁶⁴.

В этих условиях исследование травмированности и антиномичности российского общества, того, что право ассоциируется с либерализмом и тем самым берет на себя ненависть и разочарования по поводу экономических и социальных изменений, внедряемых в общество, приводит не к тем результатам, на которые рассчитано внедрение правомерного поведения. Опора на повседневную практику, как отмечает Ж. Т. Тощенко,⁶⁵ означает, что исследование архаизации правового поведения требует выявления тенденций, которые бы отражали деформированные ориентиры, противостоящие и даже взаимоисключающие друг друга, то есть определение того, какие причины способствуют отторжению права как способа социальной ориентации, и какие элементы архаичного восприятия включаются в мотивацию правового поведения в российском обществе.

В том, что архаизация правового поведения в российском обществе имеет объективные и субъективные параметры анализа есть необходимость актуализации структурно-деятельностного подхода (структурно-конструктивистского), в котором архаизация предстает не столько реликтом общественных отношений, воспроизводимых в результате травмированности и антиномичности сознания, не отрицая их позитивное влияние на то, что

⁶⁴ Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М., 2015. С. 14.

⁶⁵ Там же. С. 16.

право не воспринимается как культурно-символический капитал, можно констатировать аморфность в отношении права.

Под аморфностью следует понимать пластичное отношение к праву, использование права как ситуативной процедуры, что, в свою очередь, связано с эрозией ценностно-нормативной системы, с тем, что идейная структура российского общества является неправовой, обращена не к правовым, нравственным ценностям. Парадокс состоит только в том, что исследователь может попасть в ловушку магического воздействия традиции, не обращая внимания на то, что в российском обществе социальные отношения детрадиционны, имеют слабую ссылку на обычаи, что доминирует инструментальный активизм.

Поэтому в силу сложившихся обстоятельств можно говорить о том, что действия неправовой традиции также слабо проявляются, поскольку моральные нормы не являются наиболее фундаментальными в отношениях между людьми, формируя межличностное пространство как коллективный образ жизни российского общества. Можно также говорить о том, что несоответствие культурному идеалу определяется слабостью, диффузией культурных смыслов, тем, что является сдержанностью в культурном наследии. В большей степени работает видимость традиции, ее реконструирование в контексте самолегитимации неправового поведения.

Для диссертационного исследования, таким образом, актуальным становится выявление конфигурации объективных, структурно-институциональных ограничений, детерминант правового поведения и культурно-символических, санкционированных логикой адаптации. Целесообразным представляется выявление групп носителей архаизации, сложность которой состоит в ее диффузности, распространенности у различных групп. Наиболее зримо это проявляется у групп, преследующих этническую или религиозную традицию; в размытом виде – у групп, включенных в современное общество.

Имеется в виду, что архаизация правового поведения может проявляться на уровне отношения к праву как чрезмерно толерантному или в том, что правовые нормы выступают неэффективными, чтобы удовлетворить желание индивидов реализовать свои интересы, расходящиеся с правовыми позициями. Формула «так поступают все» может скрывать различные обоснования архаизации и, как правило, действуют в качестве доминирующих в ситуации правовой неопределенности. Важным моментом является исследование потенциала доверия к правовым нормам, что связано с неконкурентностью правовых норм по отношению к личностному или позиционному доверию. В российском обществе проигрыш в ставках на право имеет однозначные последствия и значения. Недоверие к институту права как формально правовому определяется как опытом «несправедливости» права, так и тем, что в рамках доверия к праву необходимо рассчитывать на правовую компетентность, а ее уровень в российском обществе является низким.

Обращение к архаизации правового поведения как интуитивного «подсознательного» расчета, как определения надежности коллективных форм, выходит за пределы теории рационального выбора. Поэтому доверие к праву является социальным фактом, если связано с репутацией или позитивными ожиданиями к праву. Культурная мотивация имеет в российском обществе меньшее значение, поскольку является аргументом «по случаю». «Задним числом» обосновывается идея неправовой традиции, в то время как основанием для архаизации является неудачный опыт правового реформирования и неравного доступа к праву, использование права в выборочном контексте и правовая сегрегация, когда правовые нормы теряют универсальный смысл, действуя по логике поощрения или наказания отдельных групп.

Рассматривая, таким образом, теоретико-методологические основания исследования архаизации правового поведения в российском обществе,

можно попытаться дать ответ на вопрос: «Что представляет собой право и правовые понятия?». Любая из конкурирующих концепций естественно в неправовой традиции абберированы отношениями между государством и личностью. Интерпретация права как справедливости оказывает активное воздействие на сам процесс архаизации. Метаморфозы общественного сознания, в целом дают возможность сопоставить правовое поведение с требованиями правовых предписаний. Вместе с тем, российские авторы отмечают современность правового поведения россиян и, прежде всего, позитивное отношение к закону и другим правовым ценностям⁶⁶.

В исследовательском контексте можно говорить о том, что сама архаизация связана с тем, что право так и не является фундаментальной ценностью, институтом развития общества и человеческого потенциала. В восприятии россиян правовые нормы принимаются необходимым элементом общественной жизни, но если речь заходит о сохранении сферы приватной свободы или о выборе мягкого варианта во взаимодействии государства и личности.

Одновременно, следует говорить о том, что проблемы архаизации имеют институциональную и деятельностно-мотивационную составляющие. Особый интерес вызывает то, что в российском обществе архаизация правового поведения населения не может ограничиваться только несовершенством существующей правоохранительной системы или ссылками на инновационные последствия предшествующего «тоталитарного» права. Поэтому для исследователя важным является определение показателей архаизации как воспроизводящих эффект

⁶⁶ Баранов П.П., Овчинникова А.И. Актуальные проблемы теории правосознания и правового мышления. Ростов н/Д, 2006. С. 21.

инфильтрации, проникновения, того, что Ж. Т. Тощенко называет блуждающими типами⁶⁷.

В конечном счете, разумеется, необходимо выделить тип поведения, который может характеризоваться архаичным, что включает необходимость характеристики выбора архаичных образцов как следствие архаизации общественных отношений, в которых оказался индивид или социальная группа, архаического типа идентичности и воззрения на право как чуждый или ситуативный для формирования поведенческих стратегий феномен.

В обществе, где право не является объектом институционального доверия, архаика (коллективные формы) также не выполняет роль высокостатусной и «конструируется» в зависимости от конфигурации социальных обстоятельств, от того, какие мотивационные механизмы двигают личность, в какой ценностной модели существует наиболее сильная приверженность. В этом смысле следует уберечься от описания только крайних полюсов групп, ориентированных на современное правовое поведение или погруженных в пласты архаики. Важным является осмысление субъектных и субъективных составляющих архаизации правового поведения, особенно исходя из того, что целью анализа являются поведенческие стратегии, представляющие действия, направленные на других и имеющие определенную степень социальной рационализации.

Эффект конструирования архаизации проявляется в том, что для большинства россиян опыт предшествующих поколений или утерян, или возвращается в измененном виде в соответствии с логикой адаптации. Можно также констатировать, что формируемый теоретико-методологический конструкт требует внимания к определению архаизации правового поведения путем выявления правовых приоритетов общества и определение границ «неприменимости» права. Говоря о том, что существует

⁶⁷ Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М., 2015. С. 73.

право, отменяющее обычаи, то, что правовые нормы могут и не использоваться по причине несоответствия новым потребностям общества, что фактически некоторые правовые нормы остаются мертвыми (недействующими) и их роль постоянно выполняют неправовые нормы, можно говорить о том, что степень архаизации зависит от того, каким образом предписания права имеют коллективный характер.

Из этого следует, что право в российском обществе подвергается не столько вторжению морали, сколько того, что называется абстрактное выражение воли индивида. Поэтому в определении архаизации правового поведения следует исходить из того, что российское общество не является легалистским, а легистское понимание права значительно сужает возможности для анализа правового поведения. Рассматривая, таким образом, условия, факторы, механизмы воспроизводства, мотивацию архаизации правового поведения, можно прийти к выводу о том, что формула ситуативно правомерного поведения, только частично подверженного правовому регулированию, делает необходимым определение параметров исследования в контексте размытости социального контроля или контроля со стороны государства. Если свести общие признаки архаичного правового поведения, то оно, конечно, является социально значимым, и это может служить основой разграничения правомерного и неправомерного поведения.

Кроме того, следует выявить сознательные, преднамеренные признаки архаизации, основанные на выборе определенных поведенческих стратегий в сфере права. Хотя архаичное правовое поведение не подвержено регламентированности, определяется как соответствующее / несоответствующее под пониманием в обществе коллективных образцов опыта как наиболее легитимированных.

В контексте архаизации правового поведения социальный контроль смещается в сферу контроля со стороны группы, разделяющей ориентир на

формы коллективного опыта как показатель справедливости и обоснованности поведения личности.

На основании всего сказанного выше и уже представленного в виде методологических границ исследования архаизации правового поведения в российском обществе, считаем необходимым обозначить краеугольные позиции методологического конструкта, встроенные в положения неинституционализма и теории ментальных программ, с помощью которых возможен анализ рефлексивных и нерефлексивным форм архаизации правового поведения в российском обществе.

С этой точки зрения потенциал неинституциональной теории определяется самим подходом к социальному институту, основанный на значимости формальных и неформальных норм и правил в процессе становления и изменения социальных институтов в контексте идеи исторической зависимости⁶⁸. Здесь же, конечно, следует привлечь потенциал российской науки, оформившей идейные положения данной теории в виде адаптированной к российской социокультурной специфике теории, условно представляющей в виде русской социокультурной матрицы в ее различных вариациях, но обращенных к анализу институциональной и социокультурной динамики современного российского общества сквозь призму ее зависимости от прошлого опыта и культурного кода, заложеного в ментальных основаниях российского социума. Здесь можно особо выделить идеи, представленные в трудах А.С. Ахиезера, В.И. Ильина, А.А. Пелипенко и др.⁶⁹. В частности, А.С. Ахиезер, крайне негативно оценивающий

⁶⁸ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

⁶⁹ Ахиезер А.С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. Социология. Этнология. 1995. № 1. С. 3-57; Ильин В.И. Структура исторической колеи России: проблемы методологии // Мир России. Социология. Этнология. 2017. № 4. С. 30-50; Пелипенко А.А. Проклятие «русской матрицы» // Власть. 2014. № 2. С. 17-20.

архаизацию, пишет о том, что ее главным проявлением выступает то, что культурные программы архаичного типа оказываются значимыми, даже господствующими в культуре государства, культуре большого общества, что становится проблемой первостепенной важности для страны, поскольку вектор архаизации направлен на то, чтобы трансформировать архаичных программы в решения и действия, в реальное массовые практики⁷⁰.

Важнейшим основанием методологической стратегии данного исследования выступает теория ментальных программ, раскрывающая особенности нормативной модели социального поведения через конфигурацию рефлексивных и нерефлексивных структур, детерминирующих поведение индивидов и социальных общностей в различных сферах жизнедеятельности⁷¹.

Именно в этом заключается суть ментальных программ, рассматриваемых учеными как совокупность рефлексивных и нерефлексивных представлений, ценностей и установок тех или иных социальных общностей⁷². Имеющиеся у индивидов мнения, предпочтения, основанные на неких идеальных образцах и представлениях, заложенных в менталитете социума, не всегда становятся основанием реальных практик, т.е. включаются рефлексивные структуры, что и становится фактором формирования различных стратегий и форм поведения, а также фактором дифференциации в социальных группах.

В целом по главе можно сделать следующие выводы:

⁷⁰ Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 93.

⁷¹ Lubsky A.V., Kolesnikova E.Y., Lubsky R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society // International Journal of Environmental and Science Education. Volume 11, Issue 16, 1 January 2016. P. 9549-9559.

⁷² Там же.

– во-первых, теоретико-методологические проблемы исследования архаизации правового поведения в зарубежной и российской социальной мысли связаны с методологическим плюрализмом изучения данной проблемы. Их анализ и осмысление позволили определить методологические параметры изучения архаизации правового поведения в российском обществе с позиций выделения в его структуре рефлексивных (осознанных) и нерефлексивных (неосознанных) форм архаизации, в совокупности определяющих тенденции архаизации и перспективы деархаизации правового поведения в условиях российской социокультурной реальности;

– во-вторых, теоретико-методологический конструкт связан с такими показателями как отношение к праву, как инструменту реализации жизненных стратегий и жизненных шансов, авторитетность архаичных образцов и форм архаичной идентичности, частота проявления архаизации на уровне объективного или субъективного архаичного поведения, готовность к актуализации форм архаичности на уровне делегирования и представления интересов.

С позиций представленных в методологическом конструкте подходов и когнитивных установок архаизация правового поведения рассматривается как реакция общества, социальных групп, общностей и индивидов на динамику социальных изменений и вызовы социокультурной реальности, выражающаяся в обращении к культурно-историческому опыту прошлого в форме рефлексивного и нерефлексивного использования доказавших свою эффективность на более ранних этапах развития общества правовых норм и поведенческих стратегий.

Глава II. АРХАИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ

2.1 Архаизация правового поведения в социокультурных реалиях российского общества: институциональный анализ

Институт права воспринимался «на заре» социальных преобразований российского общества как наиболее значимый, базовый наряду с институтом частной собственности и рынка фактором социальной трансформации российского общества, перехода от модели догоняющего развития к формуле современного правового государства и общества. Отмечая, что институт права в российском обществе закрепился в качестве неотъемлемого элемента институциональной системы, можно вместе с тем говорить, что фиксируемое российскими социологами, в частности Б. В. Дубиным и Л. Д. Гудковым, несоответствие формальных институтов и моделей социального действия (схема абортивной модернизации) настаивает на том, что в российском обществе модернизационное действие права так и не проявилось в полной мере. Причины видятся в том, что в плане социальной организации наблюдалась не дифференциация функций и форм социального взаимодействия, не их институционализация, а продолжающийся процесс фрагментации социальных укладов и изоляция их фрагментов.⁷³

Согласно этой же позиции самозначимость права или действия права не связаны с моралью, не поддерживаются моралью. Таким образом, институт права оказывается лишенным смысловой поддержки и, в соответствии с этим, выстраивается иерархия партикуляристских

⁷³ Гудков Л. Проблема абортивной модернизации и мораль. М., 2008. С. 34.

представлений о качествах и правах людей и их неравенстве по доступу к правовым ресурсам. Иными словами, институт права оказывается зависшим в вакууме, в отрыве от представлений о праве, от ценностных ресурсов и может восприниматься только как институт инструментального действия, на который не накладываются содержательные ограничения.

Неэффективность и положения института права, таким образом, определяются только тем шатким консенсусом, который может сложиться между властью и подданными по поводу безграничного использования права властью в качестве государственного принуждения. Представляется, что предлагаемая объяснительная модель ставит вопрос о том, как выявить логику архаизации права и в этом смысле предлагаемая В. Федотовой позиция⁷⁴ связана с тем, что Россия получила такой удар капитализма, от которого не может оправиться, то есть теоретическим допущением является выстраивание стратегии противостояния хаосу как стратегии архаизации, невостребованности потенциала профессионализма и социально-экономической активности тех слоев и групп, которые располагают этим потенциалом.⁷⁵

Конкурирующие между собой концепции «абортивной» модернизации и «архаизации» социальных отношений ориентируют на то, что институт права в российском обществе не пользуется доверием, что воспринимается как формально-рациональный институт, не обеспечивающий реализацию устремлений о справедливом и разумно организованном обществе. Но все это макросистемные основания, которые ориентируют на выявление функциональных параметров действия института права в российском обществе.

⁷⁴ Федотова В. Русская партия как противостояние хаосу // Политический класс. 2005. № 1. С. 41.

⁷⁵ Дискин И. Россия, которая возможна. М., 2011. С. 44.

Исходя из того, что доверие к институту права находится на низком уровне поддержки (в пределах 3 %) ⁷⁶, уступает по влиянию, собственно, государственным институтам (средний бал – 3,3), показывает, что удовлетворительная оценка открывает коридор возможностей для свободной интерпретации отношений к праву, то есть, не отрицая в целом влияние права на отношение личности и государства, на деятельность органов государственного управления, допускается, что существует сфера неприменимости права, что правовые нормы не могут осмысливаться как универсальные, уступающие по влиянию партикуляристским частичным нормам регуляторам общественной жизни.

Отсюда, можно говорить о том, что сформировалась сегментированная институциональная среда воздействия права в том, что, признавая значимость права, одновременно содержит и признание того, что в российском обществе не существует правового равенства. Слабости института права видятся в том, что не создана база для высокой социальной мобильности и инициативности, основанной на ценности права. Устойчивое функционирование института права связывается с государством и его развитие создает предпосылки только для усиления роли государственных институтов. Не существует мягкой институциональной среды, позволяющей оценивать институт права как институт, влияющий на позитивную социальную и экономическую активность населения.

Другое важное допущение состоит в том, что в российской исследовательской мысли актуализирована неоэтакратическая модель права, внешними признаками которого является признание обществом отношений между государством и личностью в контексте исполнения обязанностей перед государством. Такая модель претендует на понимание того, что только 15 % граждан России признают, что исполняют свои обязанности перед

⁷⁶ Общественное мнение. Левада-центр, 2014. С. 85.

государством в полной мере⁷⁷. Хотя 45 % (относительное большинство) уверены в том, что по большей части выполняют, тем самым оговорка «по большей части» характеризует отношение не только к государством, но и представляемому государством правопорядку как конвенциональному, построенному на том, что граждане выполняют те обязанности, которые соответствуют их формуле понимания, игнорируют и стараются отстраниться от всех обязанностей, а это связано и с видением законов, которые кажутся либо избыточными, трудно реализуемыми, или несправедливыми.

В данной исследовательской схеме есть определенный резон, связанный с тем, что сложившийся институциональный правовой порядок, фиксируя отношения между личностью и государством, до сих пор держится на интерпретации государства как безусловно доминирующего в определении правовых отношений в российском обществе.

Люди, как правило, обращают внимание на селективность применения формальных (правовых) норм.⁷⁸ Констатация этого факта подвигает на заключения, согласно которым правовые нормы в российском обществе «вкраплены в ткань» неформальных правил и отношений, подчиняется логике их реализации, что имеет последствием переориентацию массового сознания на допустимое или избирательное правовое поведение, а с нормативной точки зрения такое поведение нельзя считать правомерным.

Какое значение в этом контексте имеет архаизация и как понимать ее в качестве процедуры внесения неформальных норм? Необходимо отметить, что у россиян достаточно низкий уровень доверия не столько к абстрактному институту права, сколько к конкретным агентам правоприменения. Так,

⁷⁷ Там же. С. 85.

⁷⁸ Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. М., 2002. С. 155.

доверие к полиции в 2014-ом году испытывало 44 % россиян⁷⁹, а в 2017-ом – только 30%⁸⁰.

Отсюда, нежелание устанавливать доверительные или регулярные контакты с правоохранительными структурами и соответствующая установка на согласование конфликтов в неправовом (несудебном) порядке. Поэтому коллективные формы, то, что можно назвать прецедентами разрешения споров могут служить основой для архаизации правового поведения, то есть внесения в правовое поведение элементов, которые могут считаться реликтовыми и обычными.

С другой стороны, институт права содержит дефициты, связанные с опережением внешней среды, то есть правовые нормы могут оказаться мертвыми или неэффективными в силу того, что не могут воздействовать на сложившуюся систему социальных отношений. Институт права, по мнению И. Н. Игошина, начинает адаптироваться к последствиям неадекватной политики и становится институтом-фантомом. Игошин указывает на то, что институциональные интеракции, в рамках которых функционирует институт, могут приводить к отклонению нормативной формы от реального значения, которые принимают конкретные права.

В том же смысле историческая незакрепленность института права и его формально-базисное положение в институциональной системе российского общества приводят к тому, что нормы права содержат возможности легализации, но не содержат ожидаемую степень легитимации, что приводит к актуализации неправовых норм для закрепления правового статуса. Институт собственности в российском обществе, хотя и легализован, но население часто рассматривает приобретение имущества в ходе приватизации как нелегитимное, то есть остающейся общественной.

⁷⁹ Общественное мнение. Левада-центр, 2014. С. 100.

⁸⁰ Институциональное доверие [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/10/12/institutsionalnoe-doverie-3/print/>.

Можно констатировать, что архаизация правового поведения проявляется, с одной стороны, в массовом сознании, которое воспринимает частную собственность, закрепленную в правовом порядке как общую, ничейную или потенциально подлежащую возврату государству, и собственников, для которых не составляет сложности рейдерство, захват, передел чужой собственности и обмен собственности на активы, отказ от обязательства быть эффективным собственником.

Таким образом, архаизация правового поведения имеет в основе сегментированную институциональную среду. Имеется в виду, что институт права выполняет регулирующее значение избирательно и дифференцированно по отношению к различным слоям общества. Это приводит к тому, что частные партикулярные нормы могут обрести роль доминантных или выступить в качестве конкурентных по сравнению с правовыми нормами. Речь идет о том, что вступление в правовое поле сопровождается подстраховками на тот случай, когда закон не является реально действующим. Это выражается в том, что для большинства россиян не меньшее значение, чем реально действующие законы имеет человеческий фактор, то, что является качествами человека, выступающего от имени закона.

Также можно говорить о том, что институциональная среда в российском обществе не является стимулирующей для поднятия гарантированности правоприменения. Важность этого направления связана с тем, что называется горизонтальным контролем. Институт права является частью вертикально интегрированной системы и, следовательно, связан с отношениями господства / подчинения. В условиях российского индивидуализма, когда отсутствуют механизмы поддержания сословной этики,⁸¹ архаизация правового поведения может представляться как

⁸¹ Дискин И.А. Россия, которая возможна. М., 2011. С. 69.

налаживание замещающих связей, обращение к обычаю без опоры на прочные социальные связи. «Слабость» архаизации правового поведения заключается в том, что апелляция к коллективным нормам не повышает и без того низкий уровень социальной ответственности и не создает этическую среду. В силу этого институт права, хотя и не воспринимается с достаточным уровнем доверия, воспринимается позитивно в условиях вынужденной ситуации.

Это выражается в том, что, несмотря на парадокс, антиномичность правового сознания, включающего нежелательность применения правовых норм и допустимость неправовых норм, россияне в целом признают статус института права, хотя и на уровне средних значений. В обществе возникает ситуация массового анархизма. С одной стороны, государственно-центричная матрица права разрушается; с другой – институт права как сфера реализации прав и свобод граждан воспринимается как формально декларированная, поскольку за постсоветский период общество так и не решило ряд социальных проблем, связанных с высоким уровнем бедности и социального расслоения, правовой незащищенностью граждан, кризисом духовных ценностей и др.⁸².

В этой ситуации архаизация правового поведения как обращение к коллективным нормам выступает степенью удовлетворенности разнонаправленных интенций: с одной стороны, она создает чувство коллективности, которое поддерживалось ранее государством; с другой – содержит возможность индивиду быть ближе к справедливости полагаться на обычаи. Другое дело, что в российском индивидуализированном обществе границы применения обычаев связаны с формированием частных правовых порядков, того, что называется группами партикулярных интересов – бизнес-

⁸² Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х - середина 2010-х гг.): Научное издание / Под ред. Ж.Т. Тощенко. - ЦСП и М, 2016. 367 с.

слои, слои экономически самостоятельных, этноконфессиональные группы. Следует подчеркнуть, что архаизация не является феноменом тотального изменения права. Ее конкуренция с правовым поведением проявляется сегментировано, выборочно, хотя имеет социально значимые последствия. Институциональная среда, которая не создала еще условия для перевода института права на уровень горизонтального контроля, имеет в качестве последствия делегитимацию представительства интересов на правовом уровне; с другой – желательность действия так, как приписывает право.

Исследуя архаизацию правового поведения в институциональном аспекте, обращает внимание тот факт, что институт права не воспринимается россиянами как институт вертикальной мобильности, то, что россияне не воспринимают соблюдение правовых обязанностей в качестве инструмента повышения социального статуса. Между тем, можно говорить о том, что в массовом восприятии существуют опасения, что на государство и государственную политику оказывают влияние в большей степени неправовые факторы, в частности речь идет об усилении влияния церкви не только как института духовности, но и регулятивного института. Здесь впору вспомнить именно казус Pussy Riot, который, по мнению ученых, стал важным символом процесса архаизации общественного дискурса. Вот, что пишет об этом Я.С. Мариненко: «Факт наличия в обвинительном заключении по делу ссылок на решения Трульского (VII в.) и Лаодикийского (IV в.) соборов выглядел как абсурдная деталь, давшая повод для сарказма. Однако по сути это был лишь один из маячков глубокого и серьезного процесса архаизации общественного сознания, определенно набравшего обороты в России за последние годы. Этот процесс проявляется в разных формах. Это и постоянные апелляции власти к «духовным скрепам» и поиски ею все новых «сакральных мест». Это и законы об «оскорблении чувств», которые уже дают работу судам. Это и «мироточение» разнообразных неживых объектов, которое становится предметом общественного обсуждения. Это и

вытеснение в нынешнем дискурсе власти разговоров о реформах концептом «славного прошлого». Признаков архаизации много. И неверно ее рассматривать только как манипулятивную стратегию власти. Как кажется, речь идет о серьезном срыве общественного сознания, реагирующего таким образом на стресс постсоветского транзита»⁸³.

Можно предположить, что для российского общества институт права не имеет ключевого значения как институт регулирования общественных социальных отношений, как институт порядка. К тому же, конфликт интересов в российском обществе приводит к тому, что некоторые этнические и профессиональные группы воспринимаются как выпадающие из правового поля. Проявление так называемой этнической преступности или бытовых конфликтов на национальной почве интерпретируется в качестве либерализации права по отношению к отдельным группам населения.

При том, что в российском обществе существует умеренный уровень ксенофобии и в большей степени доминируют нейтральные установки по отношению к представителям, в частности, этнических групп, тревожит высокий уровень мигрантофобии⁸⁴, что свидетельством в пользу несовершенства права в обществе и доверия к нему как регулятора социально-правовых отношений.

Можно также говорить о том, что институт права функционирует в условиях слабого влияния общественной морали, а правовые нормы не приняли характер универсальных ценностей. Хотя партикулярные нормы охватывают лишь часть макросоциальных отношений, представляется, что архаизация выступает своеобразным результатом рационализации индивидуализации правового поведения; рационализации в том, что имеет

⁸³ Мариненко Я.С. Тенденция архаизации российского общественного сознания в свете акций Александра Бренера и Pussy Riot // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 420. С. 106.

⁸⁴ Мониторинг ксенофобских настроений, июль 2018 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/08/27/monitoring-ksenofobskih-nastroenij/>.

инструментально-активистскую направленность и связано с обретением определенных социальных благ и компенсацией ограниченного доступа к правовым ресурсам; с другой – индивидуализация создает предпосылки к тому, чтобы обращаться к архаизации как к окну возможности поддерживать коллективные претензии в правовой сфере.

Анализ архаизации правового поведения показывает, что при разносторонности целей и ориентиров по отношению к праву институциональная среда не может опираться на мораль. В связи с тем, что в обществе распространено достаточно высокое чувство ответственности за свое непосредственное окружение⁸⁵, можно сказать, что архаичность может не выдерживать конкуренции с правом, если объединение людей ради каких-то общих целей связано с эффективностью правовых норм. Поэтому при оценке роли архаизации в функционировании института права важно понять, что архаичные нормы выступают слабым регулятором социальной жизни, если речь идет о том, что можно сформулировать как отношение россиян к друг другу. В силу этого формула уважения индивидуальных особенностей и черт личности теряется, не предусматривается в коллективных формах. Если и существует горизонтальный контроль, то он присутствует в применении коллективных норм по отношению к своим.

Также следует отметить, что формирование интересов внутри института права имеет социальным последствием, что ни одна из групп, претендующих на правовые ресурсы, не стремится к балансу интересов. Приоритетной является позиция овладения большими правовыми ресурсами, а, следовательно, и правовой защищенностью. Также, несмотря на то, что институт права в российском обществе вводит новые способы управления и контроля, консенсус интересов возможен только в рамках отношений с

⁸⁵ Ответственность и влияние [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/10/31/otvetstvennost-i-vliyanie-2/print/>.

государством, в то время как отчуждение от права определяется тем, что соответствует действительному поведению, а не тем, что предусматривает модель правомерного поведения.

Рассматривая архаизацию правового поведения в широком институциональном контексте, можно говорить о том, что регламентирующее влияние государства уменьшилось, но господствует мнение, благодаря которому восстановление статуса права возможно только при сильном государстве⁸⁶, при всем том, что мнению россиян разделилось относительно эффективности выполняемых со стороны государства обязательств по отношению граждан⁸⁷. Поэтому право не воспринимается как суверенный институт и понимание права связывается со справедливостью или несправедливостью законов, издаваемых и вводимых в действие от имени государства. Сами же жители России слабо верят в собственные возможности что-либо изменить в стране, проявляя низкий уровень социальной активности и замыкаясь на собственных микромирах, в собственном приватном пространстве⁸⁸. Данные исследования ФНИСЦ РАН ярко свидетельствуют об этом, так как стремление сделать мир лучше посредством выполнения своего гражданского долга, можно сказать, отсутствует у современных россиян - только 10% среди них проявили стремление к этому⁸⁹.

⁸⁶ Российское общество в 2017-ом: социальное самочувствие, тревоги, надежды на будущее [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/publ/rezyume_ross_obschestvo_2017.pdf

⁸⁷ Граждане и государство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/01/22/grazhdane-i-gosudarstvo-3/print/>.

⁸⁸ Волков Ю.Г. Приватное пространство: опыт социологической рефлексии солидаристского потенциала новой социальной реальности // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 20-29.

⁸⁹ Российское общество и вызовы времени / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. Кн.4. М.: Весь мир, 2016. С. 219.

Итак, правовая ответственность, как граница правового поведения, размыта в российском обществе. Об этом свидетельствует то, что институт права воспринимается как институт государственной воли и обращение россиян в судебные инстанции, коллизии по поводу защиты прав связаны с апелляцией к государству, на основании чего выводится суждение о слабости или силе права.

Также необходимо отметить, что концепция свободы остерегает от чрезмерного обращения к архаизации. Группы, испытывающие ксенофобии и требующие введения эквивалентных частных порядков для россиян, осторожны в том, чтобы эти порядки ограничивали их осознание как свободных людей, и не допускают декретирования или насаждения обычаев с какой бы стороны это не исходило, даже из авторитета церкви. Вот почему в анализе архаизации правового поведения следует отметить, что институт права в этой связи воспринимается двояко: с одной стороны, как недостаточно авторитетный, с другой – сдерживающий возможности возвращения к тотальному контролю, к сужению приватной сферы.

Можно предположить, что такая ситуация соответствует сложившемуся в обществе эффекту двойной игры в право, что выражается в том, что институт права вполне соответствует запросу на рационализацию и индивидуализацию, но так как отстает, не адаптирован, предъявляет требования обязанностей и ответственности, не может восприниматься как абсолютно приоритетный. В. Г. Федотова основывается на том, что Россия представляет собой сегодня традиционное общество, которое частично модернизировано, частично разрушено⁹⁰. Взаимодействие традиционной «современной» и «разрушенной» частей, сосуществующих совместно и одновременно, создает потребность в самоуважении⁹¹. Речь идет,

⁹⁰ На перепутье. М., 1999. С. 137.

⁹¹ Там же. С. 139.

следовательно, об определенных нормах и правилах и о том, что архаизация может быть только промежуточным этапом по отношению к становлению институтов как совпадения межсубъективных коллективных представлений.

Можно предположить, что дефицит ресурсов права является результатом ускоренного развития этого института, несоответствия социально-правовой ситуации, сложившейся в российском обществе. Для нее действительно характерна опережающая модернизация. Речь идет о том, с известной долей условности институт права можно назвать бюрократическим, институтом, углублению неравенства в доступе к ресурсам которого способствовала и сложившаяся система распределения должностных ресурсов и положения института права в институциональной системе как института демонстративного, выполняющего определенную роль по легализации сложившихся отношений личности и государства.

Исторически сила государственности в российском обществе заключалась в том, что она охватывала всю систему власти, управлялась из единого центра и должна была служить интересам общества в целом. Эта главная особенность была размыта в процессе правового реформирования российского общества. Институт права, претендуя на роль базового института в российском обществе, превратился в островки права, которые выступают как приватизированные по отношению к другим. Это означает, во-первых, что институт права приобрел партикулярную форму и охватывает не все общество в целом, а только его часть; во-вторых, частным он является потому, что управляется из вертикально интегрированной системы, но по воле групп; третья особенность заключается в том, что алокация правовых ресурсов осуществлена по остаточному принципу.

Этот «остаток» сохраняет пережитки так называемого обязательного права. Тот факт, что в процессе развития института права правовые ресурсы определились в системе социальных отношений как отношения господства и подчинения между элитой и населением, приводит к тому, что возможности

архаизации возрастают, если право перестает удовлетворять и одну, и другую группу. Поэтому есть опасность, что радикальные изменения превращаются, отчасти, в профессиональные подвиги, а усложнение бюрократической процедуры контроля позволяет извлекать и социальную, и политическую ренту.

Таким образом, в российском обществе сформировался стабильно воспроизводимый тип рационального человека как модальный, но при том, что был утрачен немалый человеческий потенциал, накопленный за советский период,⁹² ориентированы на адаптацию в значительные слои российского общества, видели в праве и окно возможностей, и, одновременно, барьер поведенческим стратегиям при дефиците социальных ресурсов.

Право не задействовано как инструмент самоуважения, а уважение и достоинство в большей степени проецируются на отношения близкого круга, что сужает возможности воздействия этических норм как основы права. Уважение не воспринимается как правовая категория, а ее моральность, закреплённость за этической средой приводят к актуализации архаического наследия. Можно констатировать, что именно недостаток права как сферы реализации стремления к уважению и самоуважению, чувству гордости приводит к самолегитимации архаичных установок. Особенно это касается межпоколенческого диалога, где неправовые воззрения среди старшего поколения связаны с тем, что право не воспринимается как норма, обосновывающая уважение к человеку и ссылки на старые времена, когда стариков уважали, имеет и культурно-символическое, и социальное значение в том, что одобряется неправовое поведение, связанное с реализацией формулы уважения к старшим. К тому же, молодежь воспринимается как абсолютно прагматичное поколение, ориентированное в большей степени,

⁹² Дискин И. Россия, которая возможна. М., 2011. С. 43.

согласно данным Центра научной политической мысли и идеологии, на материальные ценности⁹³.

Также примечательно, что у россиян за последние годы не укрепились правовые чувства. В градации чувств россиян фигурирует надежда, усталость и безразличие, что показывает низкую мотивированность в применении норм. Надежда связывается с опорой на собственные силы и индивидуализм. Усталость и безразличие – с общей атмосферой социальной апатии. Разумеется, институт права не может играть социально мобилизующую роль, а только закрепляет состояние социальных отношений. Однако, можно говорить и о том, что в условиях хрупкого баланса надежды и усталости социальный энтузиазм, социальная одобряемость института права резко снижается. Правоприменение сужается до понимания конфликтных ситуаций, ситуаций, связанных с имущественными интересами.

Право так и не стало регулятором межличностной сферы. На эту особенность следует обратить внимание, поскольку архаизация правового поведения, прежде всего, замыкается на социальном микроуровне, связано с социальной дезориентацией общества, с потерей этической среды. Для анализа сложившейся ситуации характерно и то, что общественные ожидания по поводу лучшей жизни не связываются с правом, также как и правовые ресурсы не относятся к запасу прочности населения.

Для россиян право воспринимается в большей степени как система запретов, чем дозволений. Прделанная работа по либерализации права, подтягивание к зарубежным правовым стандартам оценивается в обществе неоднозначно: и как стремление осовременить общественную жизнь, и как потеря собственной национальной традиции. Выбор делается в пользу

⁹³ Сулакшин С.С., Хвыля-Олинтер Н.А., Кравченко Л. И. Динамика портрета современной российской молодежи. Труды Центра научной политической мысли и идеологии. Вып. № 21, июнь 2016 г. М.: Наука и политика, 2016. С. 23.

неправового решения проблемы, если не соответствует имеющемуся у индивида или у определенной группы пониманию ценности права.

Можно также говорить о том, что институт права, направленный в основном на публичный дискурс, применение на макроуровне, не является ограничителем архаизации правового поведения, поскольку встроенность в вертикальную систему сужает возможности горизонтального социального контроля, а приоритет, возросшая значимость уважения и самоуважения в контексте индивидуализации жизненного поведения не воспринимается как сфера правового регулирования и, следовательно, правового поведения. Правовое поведение воспринимается, таким образом, как поведение, направленное на формальное соблюдение правовых норм и не связанное преимущественно отношениями с государством или в официальном дискурсе (отношения с руководителями, отношения с коллегами).

Выдвигаемое положение также интересно тем, что внешне соответствует задачам построения правового государства, но содержит отрицание возможностей правового регулирования отношений между людьми и является подтверждением тезиса об анархизме, анархическом поведении, о том, что в реальности российское общество нуждается не столько в ослаблении роли государства и государственного интервенционализма, сколько в том, чтобы законы выполнялись и воспринимались в обществе как социально ориентационные. Следует также отметить, что институт права в этой ситуации функционирует ограниченно: эта ограниченность проявляется в том, что при сохранении репутации вертикали власти можно говорить о формировании в контексте архаизации особой формы социальной самоорганизации людей, которые либо брошены государством, либо осознают отчужденность от государства⁹⁴.

⁹⁴ На перепутье. М., 1999. С. 129.

Институт права содержит эффект стимулирования архаизации правового поведения в российском обществе в том смысле, что создает образцы правового поведения, которые являются допускающими отклонения. Правовая система является системой развитого специализированного воздействия (Гражданский кодекс, Административный кодекс, Уголовный кодекс и другие кодексы). При «порядке» ограниченного доступа к правовым ресурсам определяющим является личное знание, то есть способность интерпретировать законы, и для поддержания этих характеристик допускаются различные предварительные условия для существования права. Следовательно, не обеспечивается тот эффект, который Д. Норт называет порядком открытого доступа, который направлен на соблюдение гражданских прав и выполнение контрактов⁹⁵.

Также можно говорить о том, что в современных условиях надо отдавать отчет о том, что паллиативные правовые меры не устраняют коллизии между правовым поведением, правоприменением и практикой нормотворчества. Формула о введении и сохранении функционирования демократических институтов, которые обеспечивают защиту правовых принципов, только запутывают обывателя, порождают неверие в возможность «справедливого» применения права⁹⁶. К этому нужно добавить еще характерную для России фрагментированность и сегментированность общества, порождающего эффект отторжения универсального понимания правовых норм.

Итак, можно говорить о том, что архаизации имеет институциональные основания в отсутствии мягкой институциональной среды, позволяющей обеспечить взаимодействие правового института и общества в том, что слабость института права выражается в срединном положении, в

⁹⁵Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М., 2011. С. 211.

⁹⁶Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. М., 2002. С. 69.

субдоминантности по отношению к институтам порядка. Институт права выступает гарантом организованного правопорядка, но не имеет уровня институционального доверия, чтобы говорить о его доминантности по отношению к институтам порядка (правоохранительные структуры). Поэтому очевиден эффект неавторитетности права по отношению к влиянию на правовое поведение как модальной формуле. Тем более, на этот факт также воздействуют ограничители правового поведения, связанные с тем, что по отношению к отдельным группам адресуется определение неправовых, и институт права воспринимается исключительно как институт получения правовых послаблений или правовых преимуществ.

В этом контексте архаизация правового поведения допускается и избирательно, и в качестве утраченных коллективных требований в обществе, которое испытало влияние детрадиционализации. Согласно результатам социологических исследований, в российском обществе понятие «порядок» хотя и является доминирующим, имеется в виду, что понимание порядка интерпретируется как создание условий, как состояние, которое, хотя и идеально в смысле справедливости и разумности, но немаловажным фактором является то, что право не рассматривается как инструмент формирования гражданского общества и защиты гражданских прав.

Таким образом, если по отношению к институту права сложился консенсус, что не отрицается его необходимость как института контроля в сфере отношений личности и государства и внутри государства и критические замечания отосланы к тем, кто недолжным образом выполняет государевые обычаи и использует институт права, как должностную ренту, то сфера межличностных отношений остается вне этого поля, поскольку институт права не имеет мягкой институциональной среды, связанной с гражданскими правами как медиаторными между политико-публичным дискурсом и приватной сферой.

Обращение к архаичным образцам, таким образом, играет замещающую, компенсирующую роль, выполняет роль идентификатора или конструирует коллективные притязания. Это особенно проявляется на уровне разрешения этнических, территориальных конфликтов, но также может переноситься и в сферу оценки правового поведения. Важно подчеркнуть, что правовое поведение в основном ограничивается констатацией недопущения конфликтов с законом, но не нацелено на расширение окна возможностей права в реализации интересов россиян.

Возможности допустимости архаизации правового поведения заключаются в том, что значимая часть россиян являются патерналистами, нацелены на ожидания заботы государства о гражданине⁹⁷, хотя треть россиян ставят необходимостью контроль деятельности власти. Парадоксально, но здесь проявляется антиномичность общественного сознания, нереализуемость ожиданий продуцирует готовность к принятию форм, ориентированных на следование определенным образцам (взаимопомощи, создание групп давления), и в этом смысле могут актуализироваться элементы архаичности.

Можно сделать вывод о том, что архаизация правового поведения в институциональном аспекте определяется,

- во-первых, тем, что институт права не имеет мягкой институциональной среды, позволяющей реализовать воздействие гражданских норм как связующих политико-публичную сферу, сферу отношений личности и государства и сферу межличностного, интергруппового взаимодействия;

- во-вторых, господствующая в российском обществе позиция необходимого разделения права и законности, признание эффекта

⁹⁷ Граждане и государство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/01/22/grazhdane-i-gosudarstvo-3/print/>

персонифицированности на правовую систему выводит на эффект архаизации правового поведения в том смысле, что оно обретает ситуативно закреплённый характер или нацелено на возможности использования коллективных архаичных форм опыта как легитимирующих применение неправовых норм.

2.2 Архаизация правового поведения в идентификационных стратегиях россиян

Восприятие архаизации правового поведения как закреплённого в определенной слабости института права, размытости границ его воздействия, отсутствия мягкой институциональной среды не отменяет того факта, что формирование стихийного этноцентризма или локализма, склонности оценивать поведение представителей других культур в системе кодов поведения и ценностей собственной культуры⁹⁸ является сильным фактором архаизации правового поведения. Если воспринимать право как инструмент конструирования государственной или гражданской идентичности, идентичности как осознания общности в категориях гражданских групп или государства, архаичные идентичности локализованы, слабо включены в общий политический и культурный контекст и позиционируются утверждением собственного культурного превосходства или изоляционизма.

Рассматривая архаизацию правового поведения, целесообразно выявить влияние идентификационных стратегий россиян на архаизацию правотворчества и правоприменения. Очевидно, что в российском полиэтническом обществе отношение к праву может строиться только через разведение культурного разнообразия и универсализма правовых норм.

⁹⁸ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М., 2013. С. 27.

Важным является допущение, что противоречия между групповыми культурными правами и индивидуальными правами выявляется через преодоление границ локализма, принятие людей с другими культурными установками как своих.

В то же время, необходимо говорить о феномене всплеска архаичных идентичностей в российском обществе, которые заключаются не только в реликтивизации этнической идентичности, противопоставление ее гражданской идентичности, но и в том, что внутригрупповая солидарность в обществе может обеспечиваться путем актуализации, казалось бы, забытых клановых, сословных, религиозных идентичностей. Каким образом коррелируются обретение идентичности и архаизация правового поведения?

Следует подчеркнуть, что идентификационные стратегии есть категоризация, самопонимание, социальная локализация в пространстве, что приводит к избирательному, селективному отношению к правовым нормам. Иными словами, если правовые нормы могут объединять на основе формальности безличности, то идентичность самоограничивает человека или, напротив, дает сильную или слабую связь с гражданами страны, с большим обществом. Однако, важно не только то, чтобы государство обладало общими идеологемами идентичности, требуется выявление тех факторов, которые приводят к воздействию или ослаблению права, к архаизации на уровне тех процессов, где вырабатывается самопонимание и коллективная солидарность.

Характерно, что социологические исследования показывают, что восстановление российской идентичности после распада Советского Союза шло достаточно быстрыми темпами: 2002 г. – 63 % россиян избрали ответ «мы граждане России», 2011 – 95 %.⁹⁹ Собственно, и сейчас эти показатели

⁹⁹ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М., 2013. С. 41.

остаются на примерно таком же уровне. Также очевидным является и то, что 72 % россиян ощущают свою общность с гражданами России в значительной степени.¹⁰⁰ Другое дело, в чем выражается это ощущение? И здесь можно предположить, что в большей степени с общностью исторической судьбы, с территориальностью. Право в этом смысле имеет только формально закрепляющее значение. Подтверждением являются данные опроса конца 2018 года Левада-Центра, согласно которым «представление жителей России о «нас» как об общности, народе по-прежнему преимущественно обращено в прошлое. Среди событий и явлений, которые вызывают чувство гордости за свою страну у респондентов: «Победа в Великой Отечественной войне» (87%), «освоение космоса» (50%), «великая русская литература» (40%). На вопрос о том, с чем связывается у них мысль о своем народе, каждый второй участник опроса отметил «наше прошлое, наша история» (53%)»¹⁰¹.

То, что в российском обществе восстановилась связь времен, имеет неоднозначные последствия. Как пишет Ж. Т. Тощенко, дезориентация и дезорганизация общественного сознания не только охладили мечты о западной демократии и процветании, но и стало основой для растущего пессимизма.¹⁰² Иными словами, историческая память сыграла мобилизующую роль, но с принятием образов прошлого утвердилась и позиция непривитости праву российского сознания. Совершенствование правовых институтов в каком-то смысле стало пониматься как бесплотное и ненужное подражание западным образцам.

На уровне повседневных практик российского общества можно говорить о том, что самоопределение россиян, хотя и имеет однозначную доминанту российской государственности и идентичности, не может быть

¹⁰⁰ Там же. С. 41.

¹⁰¹ Национальная идентичность и гордость [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/print/>

¹⁰² Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М., 2015. С. 21.

квалифицировано как правовая. Ощущая себя гражданами России, на первый план выходят культурно-исторические символы и, в меньшей степени, гражданские права и свободы. Отношения с государством закладываются в формуле коллективизма (государство – народ) и не связаны с отношением отдельной личности (гражданина) и государства.

Можно также говорить о том, что идентификационные стратегии россиян основаны на том, что при руководстве собственными интересами, как сферой индивидуальной свободы, влияние государственной идентичности слабеет, а то и исчезает в межличностных практиках. К тому же, градация идентичности показывает, что достаточно слабы и непрочны идентичности государственного уровня, в зависимости от той же профессии или взглядов. В 2011 г. 47 %% россиян подчеркивали, что народы России обладают равными правами и никто не должен иметь никаких преимуществ¹⁰³, и в 2017-ом ситуация сохранилась примерно такая же: позиции о том, что «Россия – общий дом многих народов, оказывающих друг на друга свое влияние. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ», близка для 48% опрошенных в исследовании ФНИСЦ РАН россиян¹⁰⁴, но для многонациональной России, как мы полагаем, эти показатели должны быть значительно выше, если говорить о стабильности межэтнических отношений.

Эта формула, также как и позиция необходимости соблюдения закона, безусловно, имеет позитивное значение и, казалось бы, исключает возможность архаизации правового поведения по этно-дифференцирующему признаку. Однако есть существенный ограничивающий момент в том, что такая позиция во многом обусловлена воображаемым или реальным знанием

¹⁰³ Горшков М. К. Российское общество как оно есть. М., 2011. С. 276.

¹⁰⁴ Российское общество в 2017-ом: социальное самочувствие, тревоги, надежды на будущее [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/publ/rezyume_ross_obschestvo_2017.pdf

того, что некоторые группы в российском обществе используют правовое преимущество или выпадают из общего правового пространства, руководствуются частными правовыми порядками. Такое утверждение можно отнести не столько к числу ксенофобских, сколько связано с непоследовательностью практик правоприменения или с низкой правовой компетентностью населения.

Отметим, тем не менее, что в определении идентичности право, хотя и не имеет конституирующего значения, идентификационный выбор определяет диапазоны допустимости правового и неправового поведения и приводит к актуализации правового поведения. Тем самым, возникает возможность актуализации архаичных форм, обращенных к обычаю, традиции, истории как свидетельству и групповой сплоченности, и обоснования собственных правовых претензий, а иногда и негодований, по поводу ущемлений в правах. Можно говорить о том, что желательным для правового поведения является гражданская идентичность. Можно отметить, что в России она наполнена этническим (дифференцирующим) содержанием.

Хотя активной частью российского общества разделялись ожидания о том, чтобы российская идентичность связала этнически маркирующую социальную и политическую дифференциации, и на это были направлены практики правоприменения, табуирующие и профилактирующие межэтническую конфликтность, нельзя говорить с уверенностью о том, что правовое поведение стало восприниматься как способ сглаживания различий. Наоборот, произошла суверенизация восприятия правовых норм, связанная с тем, что для российского общества важной идеей стало отношение к правовому поведению как поведению, ориентированному на публичный политический дискурс и соотносимому с принятием государственной идентичности.

Можно констатировать, что идентичность определяется потребностью в стабилизации на социальном микроуровне или связана с принятием

макроидентичности как гарантирующей отношение к великой и сильной стране. Это определяет разрыв между макро- и микроидентичностями, которые бы могли быть восполнены гражданскими правовыми, ориентированными на безусловность правового поведения идентичностям. Вместо этого ситуативно возникают архаичные идентичности. Ни одна из групп в российском обществе не может быть отмечена как последователь социальной архаики. В то же время, в качестве консолидирующих идентичностей используются этническая, религиозная.

Под влиянием социальной конъюнктуры избирательными становятся культурные смыслы, ориентированные на принятие коллективного опыта как опыта прошлых поколений. Характерно, что доминирование российской идентичности, как макроидентичности, нацеленной на признание отношений с российским государством, не предотвращает, не минимизирует ситуацию групповой конкурентности, не переводит ее в правовое русло. Иными словами, россияне чаще готовы представлять себя по отношению к другим как члены определенной группы, чем рассматривать эти отношения в контексте индивидуальных прав и свобод.

Характерно также и то, что, судя по результатам социологических исследований, именно культурные символы (язык, культура, обычаи, обряды) определяют отношение людей к этнической идентичности.¹⁰⁵ Общая государственность (25 %) заметно уступает языку (от 68 % до 88%), культуре, обычаю и обрядам. Поэтому для архаизации открывается определенное поле интерпретации, подбора смыслов, связанных с тем, что культура воспринимается более существенным фактором объединения людей по групповому признаку по сравнению с формальной принадлежностью государству.

¹⁰⁵ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М., 2013. С. 423.

Это в большей степени объясняет ситуацию, в которой открывается простор толкованию культуры, обычая, традиции как архаичных: чем более «древний», присущий духу предков, характеризуемые как духовные выступают коллективные образцы, тем в большей степени их привлекательность для возмещения правовых норм, для ссылок на то, что в определенной ситуации необходимо руководствоваться не законом, а обычаем. Кроме того, архаизация идентификационных стратегий выражается в том, что, признавая себя россиянами, сторонниками российской идентичности, полагая, что российское государство является общим домом, конструируется понятие малого мира, в котором влияние государства на правовом уровне может быть ослаблено или ограничено. Можно констатировать, что такая позиция является следствием индивидуализации поведения, испытывающего потребность в осознании и защите своих прав и свобод, но ориентированных на принятие культурной, а не правовой самолегитимации.

В условиях, когда отсутствует уверенность в будущем и господствует чувство страха перед лицом, прежде всего, новых социальных проблем, связанных с социально-экономической нестабильностью и кризисностью современной российской реальности¹⁰⁶, немаловажным обстоятельством является то, что идентичность принимается с упором на надежду, в то время как отрицание идентичности идет через усталость и безразличие. Если за идентичностью закрепляется мотивация надежды, можно говорить о том, что общероссийская идентичность как формальная идентичность не может вызвать сильных мотивационных установок в устройстве личной судьбы и является рамочной. Выбор архаичной идентичности, идентичности, построенной на узкогрупповой принадлежности, на принятии значения

¹⁰⁶ Страхи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/09/12/strahi/print/>.

культурных и религиозных, и даже родоплеменных символов, означает, что в контексте такого выбора правовое поведение из социально значимого, контролируемого со стороны общества через правовые нормы, значимым становится только оценка этого поведения в узком кругу людей, и соответствующими неформальными социальными регуляторами выступают обычаи.

Также следует подчеркнуть, что идентификационные стратегии россиян перестали характеризоваться обращением к советскому опыту. Но, однако, это не характеризовалось принятием гражданской идентичности. Выявляется, что архаизация идентичности определяется наличием в обществе культурных образцов, интернализацией кодов, в которых личностные потребности символизируются и становятся руководством к действию, тем, что Т. Парсонс называл метамотивацией. При этом можно говорить, что архаичная идентичность не воспринимается как целостная и может строиться и взаимоисключающими моментами: принятие современных правовых норм сочетается с архаичной оценкой правовых явлений.

Можно также говорить о том, что социальные перемены открывают горизонты формированию новых солидарностей (идентичностей), и в то же время эти перспективы достаточно ограничены тем, что российское общество не принимает формы идентичности, ориентированной на конструирование новых культурных групп и меньшинств. Заслуживающими поддержки выступают идентификационные состояния, которые связаны с обретением своего через осмысление прошлого. Утверждать, что на Западе кризис идентичностей стал следствием процесса социализации, у нас –

следствием, прежде всего, глубокого общесоциального кризиса,¹⁰⁷ можно только отчасти.

Соглашаясь с тем, что институты идентификации испытывают влияние социальной аномии, определяются ухудшением социального самочувствия россиян и ослаблением роли макроидентичностей как личностного выбора, нельзя и не учитывать эффекта индивидуализации в том поведении, что, стремясь к расширению сферы приватной свободы, к тому, чтобы чувствовать себя свободными людьми, население ориентируется на неформальность привязанности к любой общности. Иными словами, отношение к идентичности определяется формулой «больше прав, меньше обязанностей».

Архаичная идентичность расплывчата. Хотя в ней фиксируется уважительное отношение к обычаям, сами обычаи, ритуалы, образцы опыта могут интерпретироваться в зависимости от субъективной связи с обществом. В этом смысле категоризация социального пространства происходит не на уровне ролевых и аскрептивных характеристик, а путем символической адаптации к происходящим переменам. Архаичные идентичности есть элемент социальной негации, отрицание навязываемых идентичностей. Но нельзя говорить о том, что заложено чувство вражды по отношению к противнику. Важным моментом является то, что, благодаря действию матрицы множественности идентичности, личность может себя причислять к современным идентичностям на работе, в карьере, а руководствоваться архаичными установками в семейной жизни, быту, воспитании детей, что стимулируется тем, что разводится понимание публичного дискурса, формальных обязанностей и неформальных социальных установок в приватной сфере. Индивидуализация поведения

¹⁰⁷ Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М., 2005. С. 342.

закрепляется в том, что, не относясь к большой общности, к государству как чувству сопричастности, и сохраняя определенную социально-ролевую дистанцию, индивид устанавливает границу путем обоснования своего права на символическую идентичность.

Архаичные идентичности, которые могут быть представлены как альтернатива макроидентичностям (государственной, гражданской, этнической), определяют «дрейф» россиян к микроидентичностям, значительно сужающим влияние правовых норм. В частности, это проявляется в том, что архаичные идентичности, хотя и конструируются на уровне субъективной связи, являются идентичностями социального замещения и социального восполнения, могут позитивно акцентироваться в терминах ценности или эмоций. Социальная типизация и категоризация имеют важные последствия для самовосприятия архаичности. Индивид отождествляется с действием, которое оценивается как обычай, как то, что не может быть подвергнуто сомнению и эрозии даже в новых обстоятельствах. Конечно, ориентация на архаизацию может квалифицироваться как знак несовременности, но правовое поведение в российском обществе не является признаком современности и успеха человека, а индивидуализации открывает простор для интерпретации архаизации в позитивном восприятии.

Правовое поведение в приватной сфере смещается в область выбора, что это личное дело каждого каких обычаев придерживаться. И даже если эти «обычаи» не имеют правового содержания и правовых последствий, можно говорить о том, что в массовом сознании архаичная идентичность делает акцент на субъективно переживаемую, преднамеренную архаизацию правового поведения. Об этом свидетельствует то, что 78 % россиян настаивают на том, что имеют право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживаются иного мнения¹⁰⁸.

¹⁰⁸ Горшков М. К. Российское общество как оно есть. М., 2011. С. 238.

Если считать подобную позицию абсолютно одобряемой, то следствием является не только то, что человек отстаивает свободу выбора и исходит из того, что большинство «может ошибаться», но и право отстаивать свое мнение интерпретировать социальные нормы, в том числе и правовые, и придерживаться определенного образца правового поведения в частной сфере. Право распространяется только на права и обязанности человека как гражданина, затрагивает достаточно узкую сферу отношений (налоги, воинская служба). Но, определяя влияние архаизации на правовое поведение, можно говорить о том, что право отстаивать свою позицию достигается путем консенсуса на уровне микрообщности, представления о себе и близких как автономной социальной структуре, регулирующей отношения с большим обществом как нейтральные.

Анализ оценки россиян различных аспектов своей жизни показывает, что для большинства из них важным является отношение к семье, место, регион, в котором он живет, ситуация на работе. Если семья воспринимается как источник социального оптимизма, для 50 % россиян отношения в семье складываются хорошо,¹⁰⁹ остальные показатели резко отстают и можно предположить, что в социальной самооценке «сравнение» проводится не по правовым критериям. Казалось бы, правовой показатель, относящийся к правовому поведению, как уровень вашей личной безопасности, имеет низкие значения (15 %),¹¹⁰ что может вызвать в обществе нарекания по поводу действия системы права, но укладывается в схему безразличия к праву, того, что личная безопасность во многом определяется не выполнением обязанностей со стороны правоохранительных структур, а связана с возможностью узкой солидарности, где актуальным является и применение неправовых способов обеспечения безопасности.

¹⁰⁹ Там же. С. 272.

¹¹⁰ Там же. С. 272.

Полагая, что правовое поведение модально по отношению к государству и может быть встроено в отношения на социальном макроуровне по работе, отношениям с коллегами, то есть быть рациональным, россияне полагают, что абсолютный легизм даже в этой сфере уступает формуле взаимных обязательств.¹¹¹ Практически для трети россиян важным является не соответствие закону, а тому, что является справедливым. И здесь проблема заключается в том, что справедливость понимается неоднозначно, включает в себя понимание групповых и индивидуальных смыслов, и если и имеет признаки к консенсусу, то в ссылке на традиции, обычаи, связанные либо с суждением «такова Россия, таковы русские, такова русская история» или с тем, что чувство справедливости выражается в нахождении баланса между регулирующим воздействием государства и свободной личности в оформлении, закреплении за личностью пространства неправовой свободы.

Таким образом, можно констатировать, что архаизация переводится на уровень мотивации правового поведения как восполняющая существенный сегмент защищенности прав человека. Разумеется, при том, что в российском обществе выросло число обращений в суды, правовым российское государство по-прежнему не назовешь. Можно предположить, что российское общество и не желало бы жить при диктатуре закона, поскольку в формуле «закон создается для того, чтобы его не исполнять» заложена легитимация, уклонение, и следует это связывать не с несовершенством системы правопорядка, правотворчества и правоприменения, а с тем, что архаика конкурирует с законом, что для 1/3 россиян демократия, хотя и определяется как верховенство закона для всех, и говорится о сильном государстве, речь идет о недоговоренности, выражаемой в том, что при этом в обществе существует достаточная оппозиция любому наступлению

¹¹¹ Свобода. Равенство. Братство. М., 2007. С. 49.

государства не столько на демократические свободы, сколько на то, что называется приватной сферой.

Можно считать, что в социальном самоопределении, социальной самокатегоризации проявляется определенный выбор микроидентичности. Макроидентичность воспринимается в той мере, в которой не противоречит микроидентичности, осуществляемой с кругом близких, по родственным связям, по образу жизни людей. Складывающаяся архаика не является монолитной, в большей степени выражается в том, что определенные сферы социального регулирования подпадают под воздействие архаичных форм. И дело не только в сфере семейно-брачных отношений, но и в том, что можно назвать имущественным правом и, в какой-то степени, влияние на процесс осознания гражданских прав.

В соответствии с логикой архаики предпочтение отдается праву свобод, связанных с приватной жизнью, а правовые стандарты политического и гражданского участия не считаются приоритетными. Последнее свидетельствует о том, что в российском обществе архаичная идентичность, как идентичность опоры на обычаи или иные коллективные формы, приводит к тому, что происходит легализация правомерного поведения не в одиночку, а принимается во внимание то, что в той или иной степени люди руководствуются чувством справедливости, обычая, и не стремятся к тому, чтобы их жизнь зависела от правовых принципов. Для них обычай не носит характер определяющего идентифицирующего принципа, но имеет значение как процедура осознания близости: земляческой, религиозной, идейной.

Мнение о том, что здесь речь идет о коллективистских ценностях, которые стали чуть ли не банальностью,¹¹² к архаичной идентичности не имеет прямого отношения. Идентификационная стратегия, направленная на

¹¹² Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. М., 2002. С. 124.

то, чтобы представить себя носителем обычая, согласуется с тем, что архаичность не может быть представлена на уровне коллективного сознания. Конструируемые идентичности, обращенные особенно в прошлое, представляют попытку утвердиться в настоящем. Перемена вектора на современную идентичность не исчезает, а сам вектор сосуществует с архаичной идентичностью. И это объясняется тем, что общественное сознание антиномично, разновекторно, противоречиво.¹¹³

Определяя свое отношение к выбору архаичной идентичности (стать казаком, помором, старообрядцем или носителем альтернативных моральных ценностей), нельзя говорить о явлении социального самоисключения. Несомненный запрос на сильную консолидированную власть, на национальную гордость стимулирует позитивное отношение к макроидентичности (государственной). Но проблема заключается в том, что для большинства россиян отождествление и связь с обществом не может быть сведено к выстраиванию вертикали идентичности, к тому, чтобы государственная идентичность была безусловной в обретении личностью сознания и собственного «я».

Изменение социальных идентичностей в России нельзя только объяснить эффектом диффузной идентичности¹¹⁴. При любых реакциях российских граждан на обострение социально-экономической ситуации формируется поле здравого смысла, поле распознавания с теми, кого можно назвать своим. Так как господствующие идентификационные матрицы запутанны, не ясны по идейно-правовым основаниям, идентификационные смыслы обретаются в узнаваемом. Поведение может, таким образом, коррелироваться в соответствии с логикой социального самораспознавания. Новые образцы и идеи большинством не воспринимаются как устоявшиеся,

¹¹³ Тоценко Ж. Т. Фантомы российского общества. М., 2015. С. 17.

¹¹⁴ Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М., 2005. С. 340.

могут внести осложнения во взаимодействии с другими, и в то же время, архаизация правового поведения в российском обществе является мягкой, ситуативной, обусловленной тем, что не содержит жестко зафиксированные поведенческие коды и смыслы.

Место той или иной идентичности в общей структуре социального самоопределения может меняться под влиянием изменений социальных условий¹¹⁵. Соглашаясь с этим утверждением, следует внести уточняющий момент, связанный с тем, что дело не столько в изменении общей ситуации, сколько в том, в какой степени изменяется социальное пространство, конструируемые общности. Архаичность не содержит процедур фильтров, так как представляет процедуру конструирования, приписывания смыслов, где определяющая роль принадлежит самому индивиду. С архаизацией правового поведения не связывается делегирование интересов и идентификационные стратегии в условиях невозможности воспроизводства универсального механизма вертикальной мобильности становятся социально-групповыми идентичностями. Здесь можно согласиться с тем, что в контексте архаизации за дефицитом, слабым воздействием вертикального социального контроля архаичные идентичности являются субститутами социально-групповых идентичностей, хотя в этом смысле все больше проявляется конкуренция профессиональных идентичностей.

Особое значение в формировании архаизации правового поведения имеет чувство правовой незащищенности. Но только 4% опрошенных в 2017 году россиян выказали готовность принять участие в гражданских инициативах, оказать помощь себе и другим в разрешении социальных проблем (не готовы к этому оказались 54% опрошенных)¹¹⁶. Но, что принципиально важно и значимо в контексте нашего исследования, почти

¹¹⁵ Там же. С. 347.

¹¹⁶ Общественное мнение о проблемах защиты прав и свобод человека в России // Вестник общественного мнения. 2017. № 3-4 (125). С. 234.

половина граждан России (44%) отмечает как частое явление нарушение в стране права на труд; чуть меньше (43%) указывает на нарушение охраны здоровья, 30% - на нарушения в области равноправия граждан, 26% – нарушения права на справедливый суд¹¹⁷. Очевидно, что россияне вполне осознают правовую ситуацию в стране и уровень правовой незащищенности, но при этом демонстрируют слабую готовность на отстаивание своих гражданских прав и какую-либо активность в данном направлении, что свидетельствует о крайне низком уровне гражданского сознания и активности.

Так как в России сформировалась иерархия граждан с различным уровнем правового статуса, то дискриминация может вызвать эффект архаизации правового поведения в том смысле, что ориентировать некоторые группы, в частности не имеющих российского гражданства, на принятие внутригрупповых регуляторов как имеющих и основывающихся на опыте выживания в неблагоприятных условиях. Об этом свидетельствуют фактически находящиеся вне правового поля этнические диаспоры (выходцы из Средней Азии). При этом для них важным является не государственная идентичность, осознание принадлежности к стране рождения, а архаичная, определяемая родственными, клановыми, земляческими отношениями.

Поэтому архаичные идентичности, не будучи включенными в базовую идентификационную матрицу российского общества, восполняют идентификационное пространство на уровне микроидентичностей, идентичностей социальных групп и слоев. Очевидно, что архаичная идентичность не противостоит современным идентичностям и в качестве альтернативы на социальном макроуровне, но содержит эффект ограничения принадлежности к большому сообществу на социальном микроуровне. Это

¹¹⁷ Общественное мнение о проблемах защиты прав и свобод человека в России // Вестник общественного мнения. 2017. № 3-4 (125). С. 228.

проявляется в различных практиках, начиная от политического абсентеизма и определяя отношение к правонарушениям в социально-бытовой сфере.

Также широкое распространение получил фактор давления групп социальной архаики на правоохранительные структуры: насильственные и ненасильственные действия связаны с защитой земляков или представителей собственного клана. В этом смысле архаичные идентичности демонстрируют определенную актуализацию, особенно, что касается отношений и с российским государством, и с его гражданами. Говорить о том, что архаичная идентичность является мобилизационной не приходится, однако, нельзя было бы говорить, что архаичная идентичность обеспечивает повседневное, неидеологическое, немобилизационное существование обычных людей.¹¹⁸

Возражая автору по этому поводу, можно сказать, что отнесение к архаичной идентичности областей семейных и локальных связей, этничности и солидарности, религиозного поведения и неформальных отношений, материальных интересов и побочных занятий, содержит, конечно, противодействия и противоречия институциональному уровню регуляции и идентификации, и создают структуру двоемыслия.¹¹⁹ Вместе с тем, архаичная идентичность в резко открытой противоречиям форме с государственно-гражданской идентичностью, опирающимися на правовое регулирование, в ее направленности определяется возможность ухода от конфликта, отказ от неправовых форм под вынуждающим влиянием права.

Это не означает, что архаичная идентичность конструирует бессильные, мягкие формы неправомерного поведения. Ориентация на архаическую идентичность может принимать социально агрессивный характер, выражаться в том, что носители архаичной идентичности вступают

¹¹⁸ Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004. С. 133.

¹¹⁹ Там же. С. 133.

в конфликт с правом и законностью в том, что условно признают государство, определяют границы в лояльности в том, насколько им дозволено руководствоваться принципами социальной архаики. Социальная категоризация через архаичную идентичность включает ссылку на внутригрупповой клиентелизм, на поддержку со стороны близких и родственников. Характерно, что в ощущении себя частью своей группы носители архаичной идентичности используют идеологему древности, то, что справедливым является общество, основанное на национальных обычаях. Рассматривая ориентацию на архаичную идентичность как социально полезную связь, следует учитывать, что ее актуализация зависит от того, насколько она воспринимается как составляющая жизненного успеха.

Таким образом, в архаичной идентичности выделяется два момента: негативный, связанный с ощущением дискриминации по этническим, религиозным или территориальным признакам, и позитивный, определяющий возможность актуализации этнической идентичности как инструмента социальной конкурентности, составляющую жизненного успеха. Для носителей архаичной идентичности безусловно значима социальная конъюнктура, хотя мотивация объясняется приверженностью определенным культурно-символическим кодам (этническим, религиозным, локальным).

Социологические исследования показывают, что принятие архаичной идентичности как символического самоопределения человека, как ощущения более сильной связи с представителями собственной группы, чем с коллективными социальными макрообщностями, свидетельствует о том, что влияние архаичной идентичности заключается, прежде всего, в том, что вводится принцип необязательного соблюдения правовых норм, сужается значение правового императива в том, что индивид конструирует субъективную связь через понижение уровня гражданских прав. В целом

можно констатировать, что для носителей архаичной идентичности значимо ощущение себя в качестве носителя партикулярных ценностей.¹²⁰

Солидаризация по этническому локальному принципу считается «шлейфом» прошлого,¹²¹ но вероятно в силу слабости правовой подпорки российской идентичности и влияния чувства исторической памяти, в которой общероссийская идентичность не преуспела, архаичная идентичность создает общеидентификационное пространство и позиция носителей архаичной идентичности заключается в том, что они должны быть услышаны на российском пространстве, если речь идет о политических амбициях, и требованиях ограничить действия российских законов в том, что носители архаичной идентичности считают сферой приватной жизни, собственной свободы, неприкосновенностью личных прав и свобод.

Различия в субъективном переживании права на общегражданском (общероссийском) уровне и в рамках архаичной дискурсивности проявляются в том, что, основываясь на принципе общего равенства прав, права трактуются, с одной стороны, как соотношение прав гражданина, а, с другой, как возможность существования солидарных установок и ценностей, противоречащих правовым нормам. Отсюда, хотя и заявляется декларированность борьбы с нарушениями прав, это требование относится, прежде всего, к правам своих и может санкционировать правовую исключительность по отношению к другим.

В целом, можно сказать следующее, что:

– во-первых, актуализация архаичной идентичности, как матрицы самоопределения в социальном (правовом) пространстве является следствием слабости социальных макроидентичностей в российском

¹²⁰ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М., 2013. С. 57.

¹²¹ Там же. С. 56.

обществе, слабого социально ориентационного влияния макроидентичности в российском обществе;

– во-вторых, архаичная идентичность, не вступая в открытое противоречие с общегражданской российской идентичностью, сужает поле воздействия правовых норм и допускает актуализацию неправомерного поведения в сферах повседневных рутинных практик и может выступать в социальном публичном дискурсе как претензия быть услышанным в российском правовом пространстве и сузить влияние практик правоприменения по отношению к сфере личных прав и свобод, трактуемых в соответствии с ссылкой на коллективные формы опыта, принимаемые как духовное достояние и наследие группы.

В целом по главе можно сделать следующие выводы.

– Во-первых, институт права в российском обществе, хотя и определяется как базовый в отношениях государства и личности, но формирование правового поведения россиян ограничено публичным дискурсом. В сфере повседневных рутинных практик правовые нормы проявляются ситуативно, выборочно и это создает эффект для задействия норм, имеющих ссылку на чувство справедливости, авторитет обычая и групповой солидарности.

– Во-вторых, архаичная идентичность, как идентичность самоопределения в сфере культурных кодов и смыслов, принимаемых как коллективные ценности, разделяемых на основе принадлежности к этнической, религиозной, локальной общности, образу жизни, становится инструментом влияния на правовое поведение, создавая установку на ограничение правового поведения в социально-бытовой сфере, в отношениях с другими, выступая разделителем прав на права для своих и чужих, и тем самым производя эффект непреднамеренной или преднамеренной правовой дискриминации и легитимации нарушения права по отношению к другим.

Глава III. ВЛИЯНИЕ АРХАИЗАЦИИ НА СТРАТЕГИИ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ДЕАРХАИЗАЦИИ

3.1 Стратегии правового поведения россиян в условиях современных реалий: влияние архаизации

Определяя стратегии правового поведения россиян как поведенческие модели, нацеленные на реализацию личных, групповых интересов, имеющих правовые (юридические) последствия, следует отметить, что правовое поведение россиян представляет сложное многослойное явление, связанное с тем, что, наряду с образцами современного правового поведения, в российском обществе демонстрируется правовая архаика, замещение правовых норм нормами социальной архаичности (локальными, религиозными, этническими).

Вместе с тем, следует говорить о том, что правовое поведение в российском обществе испытывает влияние институциональной среды, в рамках которой разворачивается воспроизводство соответствующих социально-правовых механизмов. Важно указать на то, как устраивается и закрепляется иерархия партикулярных представлений о праве. Основания ее могут быть разными¹²².

Однако нельзя ограничивать задачи исследования констатацией доступа к правовым ресурсам. Важно понять, каким образом право «проигрывает» архаичным установкам, что является причиной выстраивания неправовых приоритетов, «объективные обстоятельства или определенные ценностные установки». «Указание» на этом пути лежит в системе правовых отношений, в том, что в российском обществе, как было показано в

¹²² Гудков Л. Проблема abortивной модернизации и мораль. М., 2008. С. 28.

предыдущей главе, право не является тем фактором, от которого зависит доверие или благополучие человека. Таким образом, установка на самого себя порождает и потребность в выборе, а таковым может быть и ссылка на архаику, на коллективные формы опыта, которые, с одной стороны, не обязывают человека включаться в макроидентичность; с другой – создают, пусть призрачную, связь с обществом. Характерно и то, что, рассматривая правовые нормы как регуляторы общественных отношений, россияне исходят из того, что их правовой выбор является их личным делом, и если и сделан, зависит от объективных обстоятельств в той мере, в какой личность чувствуют себя защищенной в правовом аспекте.

Полагая, что у архаизации правового поведения есть социальные и символические (субъектные) основания, следует предположить, что под влиянием архаики формируются различные модели неправового поведения. Чтобы обосновать подобную исследовательскую конструкцию, следует обратиться к тому, что подвигает, стимулирует россиян к принятию архаичных норм, как различаются архаичные правовые стратегии россиян.

Для массовых настроений российского общества характерно, что основным, чего ожидают россияне от власти, является забота о материальном благополучии россиян, поддержание порядка в обществе и защита законных прав и свобод россиян¹²³. Такая иерархия массовых настроений свидетельствует о том, что в российском обществе право уступает оценкам материального благополучия и самочувствия, что дает возможность говорить об эффекте предпочтения благополучия праву, что общество готово в какой-то мере поступиться правом и свободами в обмен на социальный комфорт и порядок.

¹²³ Граждане и государство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/01/22/grazhdane-i-gosudarstvo-3/print/>.

Поэтому векторность правовых стратегий зависит от того, каково социальное самочувствие в обществе, и может быть определено как вынужденная архаика, когда государство, создавая эффект удаления, сокращения социальных обязательств перед населением и сферы социальной опеки, определяет положение личности в опоре на себя или на социальную микрообщность, а поддержание порядка в обществе может выступать ограничением стремления конкретной личности или группы к материальному благополучию. Иными словами, государство, «бросив» граждан, в то же время, накладывает на них правовые ограничения, не давая, тем самым, добиться приемлемого уровня социальной жизни, что стимулирует уход от налогов или в радикальной форме вызывает желание оставить в покое.

Однако нельзя сужать архаичные стратегии только к объективно необходимым или вынужденным. В условиях закрепления в общественном сознании синдромов социальной ущемленности или исторической ностальгии, имеющих неправовой смысл, можно говорить о субъективных, преднамеренных, связанных с определенными ценностными установками, стратегиях. Предлагая подобную классификацию - «объективное или вынужденное» и «добровольное или субъективное» или «рефлексивное и нерефлексивное» архаичное поведение – можно говорить и о том, что эта исследовательская конструкция в чистом виде, поскольку между ними существуют различные промежуточные варианты, а так как архаика во многом определяется ситуативной логикой, нельзя говорить, за определенным исключением, что в обществе представлены модальные типы объективного, нерефлексивного и вынужденного, и преднамеренного, рефлексивного архаичного поведения.

Следует также отметить, что в российском обществе нацеленность на правовое поведение, измеряясь отношениями личности и государства, имеет особенность в том, что от государства ожидается не столько реализации

правовых норм, сколько их «справедливого» применения, что открывает возможность для субъективной архаизации, даже при отсутствии конфигурации объективных обстоятельств.

Рассматривая вынужденное архаичное правовое поведение, необходимо определить показатели, влияющие на социальную архаику. Речь идет о группах, которые находятся в состоянии социальной эксклюзии, исключения. К таковым относятся, прежде всего, бедные слои российского населения, те, кто могут быть описаны как не подтягивающие к минимальным стандартам социального воспроизводства. При этом не стоит забывать о том, что понятие бедности связано с тем портретом, формируемым в настроениях россиян. Если брать за объективную характеристику прожиточный уровень, то бедные в российском обществе связываются, прежде всего, с такими показателями, как плохое питание, низкая доступность к удовлетворению потребности в одежде, низкая доступность к социальным ресурсам¹²⁴.

Однако говорить о точных размерах бедности в России, отталкиваясь даже от формальных показателей (так как есть и субъективные индикаторы) достаточно сложно, если не невозможно, поскольку результаты любых подсчетов в этой области базируются на той или иной системе измерения, в российском обществе значительно отличающейся от аналогической системы в Европе, к примеру. И по этому поводу Евгений Гонтмахер, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН заметил, что «даже научно обоснованная черта бедности у нас занижена в два раза.... если в России сейчас перейти на подсчеты числа бедных не по прожиточному минимуму, а по минимальному потребительскому бюджету, как это делают в Европе, то мы получим не 13%

¹²⁴ Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя. М., 2013. С. 15.

бедных по стране, а 30%-35%»¹²⁵. Данные о бедности в показателях 13,1% были опубликованы в 2017 году Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС по итогам мониторинга социально-экономического положения и самочувствия населения.

Устойчивое представление общества о признаках бедности коррелируется с тем, что для 17 % это характеризуется и большей незащищенностью от физического насилия и посягательств на собственность, что имеет определенные правовые последствия. Иными словами, бедные воспринимаются как незащищенные в правовом аспекте и, следовательно, находящиеся в состоянии правового исключения. Отсюда, самолегитимация архаичных установок, установок, которые, по крайней мере, могут создать эффект стабильности социального самочувствия, отношение к праву, как нормам, которые их не касаются.

Характерно, что для 85 % бедных и 70 % «не бедных»¹²⁶ трудовая мотивация не является определяющей в жизни. В то же время, рассматривая бедность как не порок, а несчастье (81% и 74 % соответственно)¹²⁷, ей придается объективный характер, так как неправомерное архаичное поведение интерпретируется как объективно вынужденное; неисполнение закона рассматривается как естественная реакция на положение в обществе.

При этом, бедные и небедные одинаково придерживаются позиции, что свобода – это то, без чего жизнь теряет смысл.¹²⁸ Под свободой понимается сфера приватной жизни, то, что человек может реализовать без внешнего вмешательства. Отсюда, объективно вынужденное поведение связано с желанием сохранить сферу личной свободы, быть полностью зависимым от

¹²⁵ Бедных все больше [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/12/20/bednyh-vse-bolshe/print/>.

¹²⁶ Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя. М., 2013. С. 106.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же. С. 109.

государства, сохранять индивидуальное лицо, заявлять о себе если не как граждан, то как индивид, имеющий определенную сферу автономности.

Таким образом, на объективное положение накладываются переживания субъективной связи. Рассматривая эту ситуацию, необходимо также говорить о том, что для бедных россиян, выступающих, казалось бы, образцом объективной вынужденной архаизации, большую роль играют архаичные установки, типа «трудом праведным не наживешь палат каменных», «богатством ума не купишь», «чем беднее - тем щедрее, чем богаче – тем скупее», «не в деньгах счастье», соответственно 81 % : 74 % : 62 %¹²⁹.

Внешне эти суждения закрепляют в людях чувство собственного достоинства, но, одновременно, содержат потенциальный негатив по отношению к тем, кто преуспевает, а правовое поведение может интерпретироваться как поведение небедных людей. За бедными, такими образом, остается право нарушать правовые нормы ссылкой на обычаи, на то, что богатство не делает человека счастливым, а право является обязанностью для «умных и богатых». Такие оценки правовых норм поведения личности выстраиваются на основе их фильтрации, выбора норм, имеющих значение для бедного только в той мере, в какой они дают возможность сохранить свободы и не оказывать отрицательного влияния, не способствовать еще большей социальной ущемленности.

Какими параметрами характеризуется объективное (вынужденное) правовое поведение? Во-первых, тем, что подвергается сомнению универсальность правовых норм и их влияние на трудовую и социальную мотивацию личности. Актуализация приведенных выше ценностных суждений определяет и отношение к правомерному поведению как поведению, которое является обязательным для богатых, умных,

¹²⁹ Там же. С. 108.

преуспевающих. Во-вторых, следует подчеркнуть, что в сознании бедных слоев населения правовой порядок связан с тем, в какой мере государство заботится об интересах бедных, ущемленных слоев. Характерно, что это дает совокупный эффект расколотости общества в отношении преступлений в сфере бизнеса. Так, для 23 % россиян либерализация уголовного кодекса в сфере экономических преступлений является скорее правильным, для 33 % - скорее неправильным, а для 20 % - определенно неправильным¹³⁰. Подобный перевес сторонников жесткой линии соотносится с ожиданиями от государства установить стандарты справедливости. Либерализация уголовного законодательства в этом смысле воспринимается у определенной части населения как потворство богатым.

Между тем, судя по оценочным суждениям, бедные склонны считать, что практики правоприменения должны быть мягче по отношению к ним, принимать во внимание бедственное положение человека. В пользу этого утверждения говорит и то, что для бедных россиян определяющим моментом выступает то, что, хотя нельзя переступать через моральные принципы и нормы (52 % : 51 %) ¹³¹, право, в отличие от морали, не является внутренней нормой, относится к сфере внешних требований.

Считая, что человек должен работать честно, в то же время, и на этом основании давая негативную оценку богатым, бедные россияне полагают, что современный мир жесток по отношению к ним, и поэтому можно переступать через моральные принципы и нормы (48 %). Важно понимать различия между моральными и правовыми нормами, поскольку моральные нормы весьма условно, выступают выбором человека, а правовые нормы общеобязательны и не допускают интерпретаций. Предпочтение моральных

¹³⁰ Общественное мнение. Левада-центр, 2014. С. 110.

¹³¹ Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя. М., 2013. С. 109.

норм перед правовыми показывает принятие позиции безразличия, ослабления или обхода правовых норм.

Рассматривая объективное архаичное поведение в контексте избыточных социальных неравенств, следует подчеркнуть, что основная векторность объективной архаизации находится в сфере ограничения применения правовых норм в повседневных практиках. Бедные слои населения не рискуют вызывать «гнев» государства, так как считают, что закон, прежде всего, своей тяжестью падает на бедных законопослушных.

Характерно, что, подчеркивая болезненность неравенств, прежде всего, речь идет о неравенстве доходов¹³². Принимая это неравенство как формирующее остальные неравенства, неравенство в доступе к правовым ресурсам воспринимается как предполагаемое. Справедливость для бедных – это то, что является меритократическим принципом (64%). Отсюда восприятие несправедливости как неадекватного вознаграждения за труд может компенсировать «мелкие» преступления (эффект забытых советских несунув) или приводить к бытовым преступлениям, связанным с напряженностью в кругу близких.

Таким образом, объективная (вынужденная) архаизация, определяясь интерпретацией права как возможности наказать, ужесточить наказание богатым и смягчить законодательство для бедных, фокусируется в социально-экономической и социально-бытовой сферах. Что же касается практик архаизации на публичном дискурсе, объективное поведение не выходит за рамки выражения претензий на то, чтобы быть услышанными, действуя при этом преимущественно правовыми методами. Правовые нормы отвергаются как несправедливые для бедных в контексте предпочтения их по форме регулирования. В результате – закрепление статуса социальной ущемленности или социальной изоляции. При этом следует понимать, что

¹³² Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя. М., 2013. С. 92.

растет число ориентированных на стратегию ничего неделания или регулярного использования помощи со стороны (соответственно 5 % : 18 %) ¹³³.

Так как в российском обществе не развиты сети социальной взаимопомощи, бедным слоям остается либо выключаться из активной социальной жизни, что содержит ограниченную самолегитимацию архаизации путем оправдания собственной бездеятельности, либо включаться в стратегии дополнительного заработка или постепенного улучшения материального положения, где высоки риски нарушения законов, особенно в сфере теневых практик.

Рассматривая эту ситуацию, необходимо отметить, что объективная архаизация определяется и тем, что, согласно, данным социологического опроса ФНИСЦ РАН 2017 г., россияне с точки зрения решения самых болезненных проблем российской действительности, прежде всего, указали на рост социальной справедливости, борьбу с коррупцией, проведение экономических реформ для ухода от нефтегазовой зависимости страны, необходимость реализации реформ в сфере культуры, науки, образования, здравоохранения ¹³⁴.

Можно сказать, что при установке на порядок возможности объективной архаизации снижаются, что, несмотря на социальные и материальные лишения, население в основном стремится находиться в рамках правопорядка. Но так как правопорядок может восприниматься как отчасти или полностью несправедливый, для восстановления позитивного отношения к нему и включаются процедуры архаизации правового поведения. Речь идет о том, чтобы в тех сферах, где правовые нормы

¹³³ Там же. С. 44.

¹³⁴ Российское общество в 2017-ом: социальное самочувствие, тревоги, надежды на будущее [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/publ/rezyume_ross_obschestvo_2017.pdf

действуют мягко или их регламентация не проявляется, нормы не исполняются, можно включать механизмы архаизации, актуализацию обычаев и схем опыта, которые представляются обоснованными и справедливыми.

Также следует подчеркнуть, что основные претензии, предъявляемые к ситуации в стране, заключаются в том, что для большинства россиян ситуация ухудшилась, что усиливает степень объективности в восприятии населения неисполнения правовых норм. Другими словами, люди начинают вспоминать опыт жизни в худшие нестабильные времена и при создании таких установок, что является характерным четвертым параметром объективной вынужденной архаизации, сохранение внешне государственных чувств сочетается с совместимостью нарушений в сфере повседневного поведения. Объективная архаизация, представляя собой группу бедных, в то же время затрагивает и другие социальные слои. Об этом свидетельствует тот факт, что выражается стремление найти способы деятельности, которые могут показаться архаичными или включать возможности извлечения повышения доходов путем включения в такие формы деятельности, которые наименее регламентированы¹³⁵.

Необходимо оценивать распространенность объективной правовой архаизации как то, что, несмотря на сформировавшуюся модель потребительского поведения, в нынешних кризисных условиях население готово терпеть включением практик перехода к автаркичному способу жизни (работа в подсобных хозяйствах, самообеспечение услугами), что создает ситуацию, в которой правовые нормы воспринимаются как ненужные и сокращают сферу применимости правовых норм в контрактных отношениях. Говоря о значимости автаркичного поворота в социальной жизни для

¹³⁵ Горшков М. К. Российское общество как оно есть. М., 2011. С. 106.

архаизации правового поведения, можно сказать, что уменьшается число тех, кто заинтересован в восстановлении правопорядка.

Во многом «зависание» правовых норм определяется тем, что снижается значение личной ответственности, инициативы и индивидуальной свободы. Население убеждается в том, что в условиях ухудшения социальной ситуации правовые нормы обнаруживают неэффективность для улучшения собственного материального положения, а при сокращении социальных расходов государства теряется и смысл правовой лояльности по отношению к государству или правовая лояльность формализуется, становится негативной лояльностью, отказом от протестных акций. В объективной архаизации, таким образом, вектор направленности связан с исключением правовых норм из сферы повседневных практик и формализации правовых норм в публичном дискурсе. Сохраняя приверженность идее порядка, по существу, происходит фрагментация порядка на образы частных порядков, в которых правовые нормы занимают незначительное значение, а на первое место выходят показатели справедливости. Между тем, объективная архаизация вызывает эффект усиления субъективной архаизации, поскольку в российском обществе право соотносится с определенными образцами, с синдромами общественного сознания, комплексами недостаточности права, ощущением невозможности путем воздействия права устранить несправедливость.

Субъективная (преднамеренная) или рефлексивная архаизация правового поведения определяется, прежде всего, тем, что установки населения на правовое поведение соизмеряются с наиболее ценными социальными качествами. Так, градация качеств бедных россиян выстраивается таким образом, что честность и трудолюбие доминируют над чувством долга,¹³⁶ в то время как для благополучных честность и

¹³⁶ Там же. С. 218.

профессионализм занимают важные места, уступая только трудолюбию. Подобные различия в градации ведут к тому, что честность может пониматься как ссылка на образцы поведения, которые снижают значимость правовых регуляторов. Ослабленное чувство долга определяет избирательность публичных правовых норм.

Хотя в обеих группах ответственность за себя и своих близких стоит на четвертом месте, исходя из того, что благополучные ценят честность и профессионализм, для них более допустима архаика только в сфере личной ответственности, в то время как для бедных универсальность честности воспринимается как партикулярная норма: быть честным в кругу своих.

Субъективная архаизация, можно предположить, строится на том, что правовые нормы, которые противоречат понятиям честности, порядочности, могут быть замещены понятными и разделяемыми данным кругом образцами. К тому же, для непосредственных целей важнее то, благодаря чему индивид оказывается посвященным в особые сферы социально объективированного знания не только в узком когнитивном значении, но и в смысле знания норм, ценностей и даже эмоций. Для этого не обязательно быть судьей, то есть обладать знанием права¹³⁷.

Исходя из этого положения, можно сказать, что субъективная архаизация, имея адресатом повседневные практики людей, тем не менее, отличается от объективной тем, что претендует на знание норм и ценностей и действует не по логике предпочтения обстоятельств, быть честным может означать и идти на обход закона, не предавать близких, не вступать в контакты с представителями правоохранительных структур. Между тем, субъективная архаизация может принять как форму этнорелигиозного обособления, разделения норм по культурным, символическим образованиям, так и форму стандартизованности поведения, действия

¹³⁷ Бергман П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 127.

также, как и все остальные из круга близких людей, которым человек испытывает уважение.

Рассматривая субъективную архаизацию, необходимо подчеркнуть, что действия по рецептам архаики связаны и с тем, что за негативный референт берется деятельность высших слоев и элит. Так, согласно результатам общественного мнения,¹³⁸ семейство, кумовство, блат и взяточничество являются самыми распространенными формами коррупции в России (45 %, 43 %, 31 % соответственно). Воспринимая то, что люди, «страдающие» нарушением закона, являются гарантами закона, формула «не поступай как они» предусматривает пренебрежение законом. Характерное для российского массового сознания неразделение законности и права приводит к тому, что в контексте субъективной архаизации правовые нормы могут восприниматься как инструмент подавления честности, то есть нечестности. Честность означает быть вне действия правовых норм.

Характерно и то, что в условиях принятия ценности порядка и, одновременно, ассоциирования богатства с негативными качествами, разделение морали и права, в котором мораль выступает как более обладающая мощным влиянием на поведение человека, становится возможным актуализация архаики для отрицания того, что равенство возможностей достижимо в правовом поведении. Связаны ли подобные изменения с тем, что право теряет смысл и россияне разделяют ценности индивидуализма и считают, что успехи и неудачи в их собственных руках?¹³⁹

Согласно такой жизненной логике, проявляется большая толерантность, терпимость к нарушению правовых норм и, что характерно, это связано с такими негативными показателями как присвоение найденных

¹³⁸ Общественное мнение. Левада-центр, 2014. С. 113.

¹³⁹ Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя. М., 2013. С. 114.

вещей (48 %), уклонение от службы в армии (46 %) и аборты (42 %).¹⁴⁰ Можно сделать вывод, что для архаизации правового поведения, где отрицается богатство, но провозглашается честность, модель правового поведения не является привлекательной, так как не обещает успеха и может противоречить жизненным установкам ничегонеделания или самоустранения.

Характерно, что субъективация архаизации, связанная с толерантностью, как определенным правовым нарушением или принятием образцов архаичного поведения в качестве нормальности, связана не столько с максимальной оценкой жизненных условий, сколько с тем, что названа негативным акцентом повседневного эмоционального состояния (37 % россиян).¹⁴¹ Постоянная негация вызывает и чувство раздражения, озлобленности, агрессии в крайних формах и ведет к тому, что правовое поведение выключается из образцов подражания, и таковым становится на уровне локальных общностей установки на архаику, на определенный опыт поведения, господствующие в этих группах и имеющие ссылки на исторические прецеденты.

Отмечая, что субъективная (преднамеренная) архаизация связана с признанием неэффективности правовых норм, неэффективности установок на правовое поведение и обращенность к таким суррогатам как честность и порядочность, можно говорить о различиях объективной и субъективной архаизации. Объективная архаизация содержит возможность обращения к архаике, если индивид ощущает социальную самоудовлетворенность. Субъективная архаика становится моделью поведения даже в условиях удовлетворенности социальными условиями и отмечается предпочтением архаичных форм как наиболее соответствующих образу жизни и поведения.

¹⁴⁰ Там же. С. 116.

¹⁴¹ Там же. С. 120.

Следует также подчеркнуть, что в условиях слабого правового порядка как воплощения универсальности правовых регуляторов, приоритетными становятся действия по формуле субъективной связи, реабилитации коллективных образцов, связанных с исторической справедливостью. Взгляды и представления о праве не могут быть осознанными и рациональными, если в общественной жизни существуют всевозможные комплексы и мифы. Характерно и то, что субъективная архаика не направляет усилия индивида на достижение результатов, освоение новых сфер действительности (наука, технология, культура). Самолегитимация сосредотачивается в сфере сбережения коллективного опыта, обычаев, памяти и задается тем, что группа субъективной архаизации придерживается несомненного коллективного опыта.

Такая версия правового поведения делает сторонников субъективной архаизации автаркистами, символически замещающими право стремлением к справедливости. Стоит отметить, что в субъективной архаизации отсутствует универсальный рецепт справляться с неразрешимыми правовыми ситуациями путем решения собственных проблем. Об этом свидетельствует тот факт, что замещение правовых норм формами коллективного опыта нацелено на сохранение привычного образа жизни и, таким образом, исключает правовые ожидания как способ справиться с жизненными трудностями.

Субъективная архаизация правового поведения, таким образом, связана с тем, что правовые установки коррелируются или замещаются в соответствии с влиянием неправовых норм, которые представляются более справедливыми и обоснованными, чем правовые. Исходя из этого суждения, можно констатировать, что в российском обществе субъективная архаизация распространяется на группы населения, которые образуют социальные анклав. Эта проблема не является актуальной для общества, поскольку

внимание на несовершенство правовой системы обращается на уровне неэффективности правовых структур и слабости процедурного права.

Между тем, субъективная архаизация оказывает большее влияние на правовое поведение, так как связана с принятием архаичных форм в качестве не только инструмента достижения жизненных целей, но и социальной самолегитимации. Иными словами, в субъективной архаизации имеется «потенциал» для того, чтобы в российском обществе правопорядок воспринимался как явно проигрывающий обычаю и опыту. Тенденция субъективной архаики может нарастать в связи с изменением структур повседневных практик. Как отмечается, до наших дней сохраняется многовековая неустойчивость культурного равновесия и постоянное перенапряжение ментальности под влиянием постоянно изменяющихся смыслов и ценностей.¹⁴² «Шлюзы» права парадоксальным образом открывают возможность для отклонения права: пользуясь формулой прав и свобод, укрепляется позиция тех, кто придерживается неправовой свободы, свободы поступать по совести. Своеобразие ситуации состоит в том, что воспроизводится иллюзия сохранения и исторической преемственности, что в массовое сознание внедряется идея не просто своеобразия России как цивилизации, но и правового своеобразия, общества с возможностями неправового регулирования.

Отмечая, что для сторонников субъективной архаизации свойственно считать, что правопорядок только отчасти легитимен, можно говорить и о том, что субъективная архаизация может выражаться на публично-правовом дискурсе как неприязнь к представителям других национальностей, что получает свое идеологическое оформление в лозунгах типа «хватит кормить Кавказ» и проведении русских маршей. Здесь, конечно, следует учитывать различия между идеологами движения, националистами, которые

¹⁴² Пути России: существующие ограничения и возможные варианты. М., 2004. С. 270.

используют чувства населения для повышения уровня своего политического веса, и представителями архаики, скептикам по отношению к националистам, но видящим в приезжих угрозу для сохранения образа жизни и даже медленного и неуклонного вытеснения.

В этом же контексте, тем не менее, сторонники субъективной архаизации не являются политически активным слоем населения, так как ориентированы на социальные микрообщности, на круг своих, и говорить об их консолидационном потенциале в отношении роста межэтнической напряженности в российском обществе следует осторожно. Вместе с тем, субъективная архаизация ориентирует население на то, что государству можно предъявлять социальные требования, в частности в области регуляции социальной сферы (так полагает 68% опрошенных россиян в опросе Левада-Центра 2017 года¹⁴³), но, одновременно, исходить из того, что государство не может быть высшим правовым арбитром, гарантом права в российском обществе. Очевидно, что для субъективистов дело не только в том, что руководство живет собственными интересами, а что право не может заслуживать большего доверия, не является большей ценностью, чем исторические формы опыта, чем то, что воспринимается как национальная или локальная ментальность.

Таким образом, стратегии архаизации (объективная и субъективная или нерефлексивная и рефлексивная) содержат различия по способу использования архаичных форм - объективисты определяют их ситуативность (полезность), субъективисты склонны распространять архаичные образцы в качестве построения жизненной стратегии. Для объективистов и субъективистов свойственен автаркизм, ориентация на социальную эксклюзию от общества. Но если объективисты, а к ним

¹⁴³ Ответственность и влияние [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/11/13/17013/print/>.

относятся, прежде всего, бедные слои населения, руководствуются архаичными формами для построения стратегии ничегонеделания или помощи со стороны других, для субъективистов архаичные образцы связаны с решением своих проблем путем выдвижения встречных требований власти. При этом обе стратегии сосредоточены на том, что правовая структура не выражает интересы всего населения, что в России закон, как правило, не действует или действует в пользу избранных, и в силу этих обстоятельств нельзя говорить о возможности изменения правовой ситуации в лучшую сторону.

Тенденции роста архаизации в российском обществе связаны с тем, что в условиях кризиса объективисты могут переходить в категорию тех, кто настроен на преднамеренное использование архаичных форм и видит в этом возможность уменьшения зависимости от власти. Лозунг невмешательства в жизнь граждан коррелирует с чувством усталости и безразличия: социальная апатия порождает страх одиночества, который преодолевается созданием микрообщностей, формированием единомышленников, ориентированных на архаичные образцы как маркер собственной удовлетворенности и обособленности от неблагополучного общества.

Таким образом, можно говорить, что, во-первых, объективная (вынужденная, нерелексивная) стратегия архаизации порождается неудовлетворенностью условиями жизни, ощущением социальной депривации и связана с нереализацией ожиданий помощи от государства, что порождает потребность в актуализации форм социальной самозащиты, связанных с архаикой.

Во-вторых, субъективная (релексивная) архаизация определяется доминированием установок на замещение правовых норм на неправовые (коллективными образцами) и оценкой существующего правопорядка как несоответствующего структурам мышления, ментальности и образу жизни человека.

В-третьих, отмеченные стратегии, хотя и имеют определенные различия, в целом связаны с сужением пространства правового поведения и дают эффект безразличия или негации к праву в российском обществе.

3.2 Тенденции и перспективы деархаизации правового поведения в российском обществе

Отмечая, что правовое поведение в российском обществе подвержено воздействию разнонаправленных факторов, что, с одной стороны, россияне ориентированы на правовой порядок и проявляют интерес к защите собственных прав, с другой стороны, можно констатировать, что правовое поведение россиян включает неправовые архаичные нормы и на групповом (локальном) уровне как обычаи и традиции, и на индивидуальном, как пользование архаичными стереотипами.

Таким образом, можно предположить, что архаизация правового поведения, не затрагивая непосредственно публичный дискурс, меняет отношение и к государству, и, особенно, на уровне повседневных практик. Тому свидетельством является распространенность как объективной (вынужденной, нерелексивной), так и субъективной (преднамеренной, релексивной) стратегии архаизации правового поведения. Говоря об этом, следует также подчеркнуть, что на архаизацию правового поведения влияют не только слабости института права как совокупности формально-правовых норм, но и ориентация на архаичные способы осуществления жизненных стратегий.

В том, что условия и образ жизни людей в полной мере и автоматически зависят от их социального статуса, нельзя говорить¹⁴⁴.

¹⁴⁴ Волков Ю. Е. Социальные отношения и социальная сфера // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 35.

Необходимо исходить из того, что «специфика» архаизации складывается по поводу способов жизнедеятельности различных групп, а также тех возможностей, которыми располагают разные субъекты по удовлетворению своих жизненных потребностей. Отношение к правовому поведению, таким образом, связано с тем, какое место занимает право между социумом и субъектами правового поведения. Говоря конкретно, имеется в виду, что на правовое поведение, конечно, влияют социально-статусные (этнические, территориальные) параметры, но, вместе с тем, архаизация правового поведения зависит от личностных установок, ценностных ориентаций, сформировавшихся у людей социальных качеств. Поэтому, изложенные теоретические положения в переводе в исследовательский дискурс означают, что правовое поведение россиян испытывает как влияние архаизации путем объективированного внешнего воздействия, так и в том, что проявляется как способ переформатирования, создание неправовых установок.

Следует подчеркнуть, что отношение к праву в российском обществе не может быть выведено из врожденного правового чувства. Разумеется, нельзя отрицать влияние права на массовые настроения, на поведенческие установки россиян. Это выражается в том, что для значительной части россиян свобода и демократия стали ценностями, также как и защита прав и свобод воспринимаются как желательное состояние. Вместе с тем, в обществе существует потенциал апатии и даже отторжения правовых норм. Так, говоря о том, в какой мере россияне выполняют свои обязанности перед государством, следует учитывать, что 51 % в совокупности занимают позицию, что выполняю, а 29% «сколько выполняют, столько и не выполняют», а 16% - не выполняют¹⁴⁵. В отмеченной позиции характерным является, во-первых, то, что во многом отношение к праву является

¹⁴⁵ Граждане и государство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/01/22/grazhdane-i-gosudarstvo-3/print/>

ситуативным и не ориентировано на безусловное выполнение правовых норм. Хотя в обществе очень низок слой правовых нигилистов, которые совершенно не выполняют обязанности перед государством (3 %) ¹⁴⁶, низкий уровень правового нигилизма связан не столько с автоматизмом права, в большей степени правовые нигилисты это те, кто занимает открытую позицию по отношению к праву, или те, кто в силу определенных убеждений является последовательными анархистами. Большинство, декларируя выполнение правовых норм в той или иной мере, ориентируются на конкретные жизненные ситуации, на то, в какой степени правовые нормы могут реализовать жизненные цели, при этом сохраняя сферу приватной жизни (неправовой свободы).

Под влиянием этого обстоятельства, в российском обществе складывается неполная модель правового поведения, то есть правомерное поведение нельзя квалифицировать как доминирующее. Это определяет и ориентацию общества на неформальные социальные отношения и включает механизмы актуализации архаичных образцов. На фоне достаточного распространения в обществе различных суеверий ¹⁴⁷, проекция на архаизацию разделяется и индивидуалистами, и фаталистами (11 % : 57 %). ¹⁴⁸ Фатализм, как вера в судьбу, предполагает обращение к определенным алгоритмам, выработанным непотворением жизни, чем, что надо руководствоваться правилом «само собой образуется». Для индивидуалистов, внешне ориентированных на собственные усилия в достижении определенных жизненных целей, архаичные образцы также привлекательны в силу их эффективности и узнаваемости в обществе, что предоставляет определенные возможности для легитимации неправовых действий.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Горшков М. К. Российское общество как оно есть. М., 2011. С. 38.

¹⁴⁸ Там же. С. 338.

Говоря о результатах архаизации правового поведения, можно отметить, что наиболее значимым является сужение сферы правового поведения в повседневной, социально-бытовой сфере и ослабление правовых ограничений в отношениях с государством, особенно на уровне обязанностей. При этом архаизация не воспринимается в обществе как потеря, как отступление назад. В большей степени архаика определяется как верность традиции и зависимости от своеобразия восприятия права в обществе. Тем не менее, деуниверсализация правовых норм и ослабление правового поведения под влиянием архаизации приводит к тому, что в российском обществе право маргинализуется. На это влияют, конечно, и факторы реального правового неравенства, и архаика «дополняет» его в том, что создает иллюзию формирования частных, справедливых по сравнению с правом порядков.

То, что значительная часть возникающих проблем может решаться в неправовом поле путем достижения соглашения на уровне архаичных образцов, свидетельствует тот факт, что архаичные образцы, наиболее характерным выступает адат, становятся основными в сфере урегулирования семейно-бытовых, имущественных и межличностных отношений. Снижение интереса к потребности в правовом поведении сопровождается отчетливо выраженной тенденцией архаизации образа жизни. В наибольшей степени от этого страдает правовой порядок. Архаика претендует на нахождение некоего синтеза, вбирающего все хорошее из прошлого, и в этом смысле становится поведенческим ориентиром.

Характерно, что отсутствие должного порядка в стране и рост коррупции, являясь значимой проблемой для россиян, не связывается с преодоление негативных тенденций с восстановлением значимости права. Говоря, что деархаизация общественного правового поведения имеет потенциал, имеется в виду, что для значимой части россиян демократия воспринимается как необходимое России общественное устройство, хотя

почти половина из них считает, что стране нужна особая демократия, отличная от той, что сложилась в странах Европы и Америки¹⁴⁹.

В этом смысле показательно, что деархаизация может осуществляться и в контексте усиления значимости правовых регуляторов в отношениях между личностью и государством и в повседневных практиках. Что касается первого, здесь, безусловно, реальное осуществление идеи равенства перед законом, того, чтобы все граждане России чувствовали позитивное воздействие правовых норм и эффективность правового поведения. Повседневные практики являются достаточно непрозрачной зоной для правового поведения, где действительно невозможна абсолютная правовая регламентация и, в то же время, следует говорить о сужении влияния права под видом соблюдения обычаев или ссылки на коллективные опыты неправового выживания.

В российском обществе правовое поведение может считаться нормой, если речь идет не только о сокращении количества сознательных анархистов, тех, кто отрицает право по «идейным» соображениям, но и людей, ориентированных на самовыживание или ничегонеделание. Говоря об этом, следует также подчеркнуть, что деархаизация правового поведения возможна с осуществлением комплекса мер, связанных с сокращением числа бедных, имеющих ограниченный доступ к ресурсам права, испытывающих социальную ущемленность, депривацию, и переформатированием установок на право, в которых право должно восприниматься как инструментальная ценность.

Действительно, усилия, направленные на субстантивное право, введение новых принципов, в российском обществе менее актуальны, чем совершенствование процедурного права, приведение правовых норм в

¹⁴⁹ Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М.К. Горшков и др.]; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. - М.: Весь Мир, 2017. С. 158.

состояние, которое дает возможность образовывать их с реальным социально статусным положением различных групп с их жизненными установками. Имеется в виду, конечно, не поглощение права архаикой или уступки неправомерному поведению, речь идет о том, чтобы практики правоприменения, основываясь на принципе правового равенства, содержали вариации, способные произвести правовой эффект на образ жизни различных социальных групп.

Можно констатировать, что для российского общества характерно ощущение социальной неопределенности, которое нельзя, конечно, свести к страху перед будущим, оно имеет более значимую направленность, определяемую тем, что правовое поведение россиян является ситуативным, что, действуя по критерию справедливо / несправедливо, носители правового поведения соотносят значимость правовых норм с удовлетворенностью различными аспектами жизни. Главной болевой точкой деархаизации является ее неинтерриоризированность в установках россиян. Иначе говоря, право не воспринимается как безусловный поведенческий регулятор. При этом правовые отношения становятся предметом «торга» и на них негативно действует острое ощущение несправедливости неравенств.

В том, что в правовом поле проявляется неравенство, есть ограничение деархаизации правового поведения. Для того, чтобы ощутить в полной мере воздействие права, необходимо, чтобы установки на право, как поведенческий регулятор, изменялись только в диапазоне приемлемого поведения, и отношение к праву стало нормой доверия к правовым институтам. Каким образом деархаизация может рассматриваться как тенденция правового поведения россиян? На этот счет необходимо сказать, что, конечно, по сравнению с 90-ми годами в обществе возросло количество людей, ориентированных на решение собственных проблем правовыми способами, и актуализацию правовых норм в качестве позиционирования в общественной жизни. Вместе с тем, остается реальным нечувствительность

россиян к нарушению их прав и неправомерному поведению людей. Отсюда причудливое сочетание к стремлению жизни по закону, равным для всех, с молчаливым принятием практики нарушения права. Хотя общество и недовольно ситуацией защиты интересов и безопасности граждан, запрос общества на правовой порядок, который бы играл на стороне общества, не проявляется отчетливо.

Характерно, что деархаизация правового поведения возможна не только с ростом доверия к правоохранительным структурам (сейчас этот уровень еще далек от высокого, о чем говорят данные по доверию полиции в России¹⁵⁰), где устанавливается равенство правовых субъектов, очевидно также, что необходимо уменьшение числа тех, кто не верит, что в суде можно добиться справедливости, что обращение в полицию принесет благополучный результат.

Повышение эффективности практик правоприменения, реализуемых судебными и правоохранительными структурами, безусловно, оказывает позитивное влияние на рост деархаизации правового поведения. С другой стороны, так как для части населения существует достаточно устойчивое убеждение в том, что правоохранительные структуры не всегда руководствуются законом как приоритетом, возникает ситуация если не равноценности, то взаимозамещаемости правовых отношений отношениями социальной архаики.

Правовое поведение представляется россиянам как то, что тенденции архаизации правового поведения надо связывать с формулой усиления правовой ответственности граждан и сохранения приватной сферы россиян. Очевидно, что для большинства приемлемым является введение и исполнение правового порядка, при котором существует сильное

¹⁵⁰ Отношение к полиции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/11/07/otnoshenie-k-politsii/print/>.

государство, и сохраняется дистанция между публичной и частной сферой, которая не воспринимается как желательная для вмешательства государства на уровне детальной правовой регламентации. Примечательно, что для российского общества деархаизация правового поведения, которая ранее воспринималась как периферийная проблема, все больше осознается как нежелательная деуниверсализация правовых оснований на уровне и институционального, и неинституционального поведения.

Фиксируя, что в России достаточно низкий уровень институционального доверия, и не доверяют именно формальным институтам, которые, вроде бы, должны как-то обеспечить и конституировать нормальную упорядоченную повседневную жизнь,¹⁵¹ нужно отметить, что упреки государства в том, что управление в основном рассчитано на слабость и безответственность социума, не является выверенными с точки зрения установившейся схемы отношений общества и государства. Правовое поведение россиян характеризуется значительным присутствием конформизма, не слабостью и безответностью, а осознанием границы между отношениями с государством и повседневными практиками. В отношениях с государством архаизация, если и проявляется, то на уровне скрытых, латентных требований или введения определенных правовых послаблений, то есть является оборонительной позицией. Сложнее ситуация на уровне повседневных практик, в которых слабость государства приветствуется.

Дело в том, что воспроизводимые в правовом поведении россиян архаичные образцы имеют сильное влияние для внутренней мотивации принятия или отклонения права. Рассматривая, таким образом, ситуативность правового поведения, задается устойчивыми факторами, к каковым

¹⁵¹ Институциональное доверие [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/10/12/institutsionalnoe-doverie-3/print/>.

относится потребность в стабильности и справедливости. С одной стороны, право может выступать как «априорная» истина; с другой, оно требует постоянного подтверждения, что не наблюдается в правовых практиках российского общества. К тому же, можно говорить о потреблении права, о том, что правовые нормы преподносятся массовому сознанию со стороны государственных институтов как имеющие в большей степени демонстративное значение, как напоминание о себе государством, в то время как осмысление и переосмысление реальности происходит на уровне неправовых образцов.

Поэтому деархаизация правового поведения требует определенного консенсуса, согласия в обществе относительно той роли, которую выполняют правовые нормы как поведенческие регуляторы и воспроизводство архаичных образцов в контексте усиления правового поведения. Имеется в виду, что архаичные формы, принимаемые архаичные образцы должны свидетельствовать о том, что ссылка на них закрепляется в качестве имплементации обращение к праву. Если определенная локальная группа руководствуется архаичными образцами, то в отношении других групп она должна действовать в правовом русле, принимать других в качестве граждан, а не тех, кто не может быть наделен правами.

Оценка перспектив деархаизации правового поведения приводит к тому, что для российского общества хотя и является важным соблюдение прав, о чем говорят данные о мечтах россиян, связанных с равенством прав для всех граждан страны и сильном государстве, способном выступить гарантом обеспечения правовой защищенности граждан, но выбор российского общества в пользу общества социального равенства ¹⁵² автоматически определяет указанные перспективы в патерналистский

¹⁵² Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011. С. 297.

формат, так как этот выбор связан с патерналистской ментальностью при доминантной роли государства в регуляции социально-правовых процессов и отношений. И в этом нам видятся как перспективы деархаизации правового поведения в российском обществе, так и риски его дальнейшей архаизации в русле стратегии архаичного патернализма¹⁵³ как органической части ментальной программы российского общества. Опасно также то, что сама идея правового равенства как центральная в массовом сознании и восприятии социальной справедливости рассматривается по-разному гражданами России, и, более того, по этому вопросу в стране сформировался раскол мнений: примерно в равной представлены сторонники идеи равенства возможностей (59%) и сторонники идеи равенства доходов (41%)¹⁵⁴. Такая ситуация неравнозначного отношения к идее равенства выступает серьезной преградой на пути реализации этой идеи и, соответственно, сформировать социально справедливое общество.

Таким образом, деархаизации правового поведения препятствует то, что в публично-правовом дискурсе отношения личности и государства рассматриваются в подданническом контексте: в большей степени государство выступает по отношению к гражданам с точки зрения реализации их обязанностей, в то время как защита прав объявляется частным делом, требующим немалых финансовых и иных усилий.

Перспективы деархаизации правового поведения в сложившейся ситуации определяются тем, в какой степени стремление, ориентированность на правовые нормы сближается с доступом к правовым ресурсам, иными словами, архаичные образцы отступают в сторону, если обращение к праву

¹⁵³ Сычева Т.М. Проблема архаизации: некоторые методологические подходы // Манускрипт. 2018. №5 (91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-arhaizatsii-nekotorye-metodologicheskie-podhody>

¹⁵⁴ О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2012. С. 32.

считается и нормальным, и имеет под собой возможность реализации. Таким образом, деархаизация правового поведения зависит как от возможности осуществления правового поведения, так и от установок на правовое поведение большинства граждан. В российском обществе есть позитивная основа в том, что трансформация правового порядка предстает как расширение правового пространства, стремление к соблюдению основных прав и использованию цивилизованных способов взаимодействия социальных и правовых субъектов.

Однако, полагать, что это условие является решающим не приходится, поскольку для большинства граждан присутствует скептическое отношение к возможности добиться справедливости, к позитивным переменам и к реформированию страны в целом, что отражается и на региональном уровне. Так, среди жителей Ростовской области, как показывают данные социологического исследования, сторонников проводимых в России реформ стало в два раза меньше за последние года, в то время как по России эти данные несколько менее критичны – их стало меньше на 7%¹⁵⁵, т.е. речь идет о том, что социальный пессимизм или реальный критицизм в большей степени характерен для региональных сообществ страны.

Таким образом, архаичные образцы поведения, в том числе в правовой сфере, в условиях неверия в перспективы инноватизации страны, позитивных перспектив ее реформирования представляются более адекватными и справедливыми, поскольку воспринимаются как личный выбор, в соответствии с жизненным опытом и жизненными установками граждан.

Судя по результатам приведенного исследования, правовой скепсис не влечет автоматически последствий в виде принятия архаики, а, скорее фиксируется ситуация правового безразличия. Однако переломить

¹⁵⁵ Двадцать пять лет новой России: Ростовская область : Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2018. С. 21-22.

безразличие к праву представляется позитивным шагом к сокращению влияния архаичных норм, поскольку необходима потребность, осознание правового поведения населения в этом отношении. Если большинство россиян будут придерживаться формулы правового поведения, то возникает критическая масса давления на деятельность правоохранительных структур с тем, чтобы реализовались правовые стандарты, чтобы не допускалось нарушение правовых процедур и судебные решения были независимыми.

То же самое можно сказать об изменении установок на отношение к праву у населения. Речь идет о том, чтобы была преодолена ситуация снисходительности и умолчания по отношению к архаичным процедурам, имеющим деструктивное общественное значение, когда затрагиваются судьбы и отдельных людей, и целых групп населения. Имеется в виду, что архаизация, хотя и имеет определенный стабилизирующий эффект в условиях неполного правопорядка и «защищает» правоохранительные структуры и суды от конфликтов в социально-бытовой и социальной сфере, можно говорить о том, что принятие формулы приватности и независимости права может привести к публичным эффектам, особенно в сфере межэтнических отношений, когда воспринимаемые как нормальные действия на социально-бытовом уровне трансформируются в неприязненные отношения своих и чужих.

Следует учитывать, что модальное правовое поведение исключает влияние неправовых факторов в оценке тех или иных поведенческих действий, и то, что является допустимым или недопустимым для сторон конфликта, имеет в основе правовую оценку: как правило, обе стороны возможного или реального конфликта демонстрируют склонность к бинарной логике, к архаике, делению на своих и чужих. Говоря об этом, следует подчеркнуть, что для общества имеет значение то, что закреплено и

выражено в законе. Ссылаться на социоцентризм российского общества в объяснении данной ситуации не представляется актуальным¹⁵⁶.

Учитывая доминирование в российском обществе индивидуализма, следует говорить о перспективах перевода безответственного индивидуализма в ответственный, связанный не только с реакцией на ограничение личных свобод, но и на позитивное отношение к общественному благу. Дегархаизация правового поведения возможна в том, чтобы придать личным правам привязку к общественным интересам, в то время как общие блага должны восприниматься как результат реализации личных прав. Конечно, достижение этой формулы является сложным и долговременным процессом, но в контексте дегархаизации преодоление разрывов между пониманием права как двух параллельных сфер (сферы защиты прав личности и отношений личности и государства) представляется необходимым шагом.

В этом смысле нельзя забывать о том, что наибольшие препятствия содержит субъективная дегархаизация. Если сторонники объективной (вынужденной) архаизации могут менять свою позицию в зависимости от улучшения условий жизни и расширения возможностей осуществления жизненных стратегий, для сторонников субъективной архаизации социальные условия, казалось бы, позитивные для принятия правового поведения, могут вызвать архаичную рецессию. Речь идет о том, что в условиях социального процветания локальная группа может считать себя обделенной и руководствоваться логикой архаизации для того, чтобы заявить о своих интересах в обществе, не пользуясь механизмами правового представительства.

¹⁵⁶ Баранов П.П., Овчинников А.И. Актуальные проблемы теории правосознания и правового мышления. Ростов н/Д, 2006. С. 116.

Таким образом, деархаизация правового поведения основывается на понимании права как регулятора, направленного на удовлетворение равенства людей, несмотря на социальные и этнические (территориальные) различия. В таком контексте правовое поведение представляется универсальным, имеющим применение и в сфере повседневных практик. Вместе с тем, говоря о деархаизации правового поведения в российском обществе, следует подчеркнуть, что установка на архаичные нормы связана не с возрастными или критериальными критериями, а с архаичной идентичностью, с самоопределением в нормах и координатах архаики, что делает правовое поведение поведением приписывания смыслов и значений.

При том, что в российском обществе действует принцип апатии к политике, правовая сфера является сферой повышенного общественного внимания, поскольку касается отношений между сферой социального взаимодействия. Можно также говорить о том, что в российском обществе правовое поведение корректируется не столько уважением к праву, сколько тем, что называется личными качествами людей.

Также следует отметить, что деархаизация правового поведения связана с проекцией на будущее, так как такая социокультурные реалии заметно снижают привлекательность правовых норм как возможности упорядоченного прогнозирования своей жизни. С другой стороны, очевидно, что актуализм настроений требует от человека обоснования своего актуалистского поведения, и в этом смысле архаика помогает как снижение неопределенности и оправдание актуализма. Это выражается в том, что ссылка на коллективные образцы содержит возможность автаркичного, обособленного образа жизни, пригодного в условиях неопределенности или кризиса.

Полагая, что деархаизация определяется повышением уровня социальной стабильности и позитивных социальных ожиданий, следует отметить, что деархаизация правового поведения определяется

планированием будущего. Если рационализм касается только распределения бюджета, то его эффективность весьма низка и может вызывать эффекты повышения архаизации, особенно если это касается самостоятельного выбора жизненных стратегий.

Кроме того, деархаизация правового поведения предполагает существование группы с референтными образцами современного правового поведения. Однако в российском обществе нельзя говорить как о фокусированности архаики, так и надеждах на деархаизацию путем выдвижения группы-лидера. Учитывая, что большинство россиян является в сфере прав и свобод индивидуалистами, что господствует опора на собственные силы, трудно ожидать, что такая группа возникнет в качестве общественной инициативы. Возможно, для того, чтобы деархаизация правового поведения осуществлялась на всех социальных уровнях (мезо, макро и микро), требуется повышение коммуникативного влияния правовых норм, возможность перевода норм публичного дискурса в нормы микроуровня. Свобода приватной сферы до сих пор не является правовой. И в этом контексте важно, чтобы в российском обществе возникла возможность индивидуального отношения к правовым нормам как сознательным.

М. Масарский в книге с претенциозным названием «Порядок и смута» пытается доказать, что основным источником политической нестабильности является партийно-государственная номенклатура, современное чиновничество, которое при внешнем консерватизме несли и несут с собой колоссальный заряд общественных потрясений, так как отодвигают на общественную обочину, маргинализируют энергичную часть населения¹⁵⁷. Это «типичное» либеральное высказывание, поскольку следствием является обнищание правового поведения, поведения, выгодному мирному слою российских собственников. При такой схеме трудно ожидать эффекта

¹⁵⁷ Масарский М. Порядок и смута. М., 2000. С. 37.

деархаизации, поскольку выдвигается идея разделения общества на энергичные, просвещенные и маргинализованные слои. В этом смысле архаика отводится отсталым слоям населения, неясной же остается роль референтной группы, поскольку между этими двумя слоями существует стена глубокого непонимания, дискommunikации.

Отмечая, что правовое поведение является поведением добровольным, хотя и испытывает принудительное влияние права, следует отметить, что ориентированность на деархаизацию определяется тем, в какой степени те, кто придерживаются современных правовых норм и вводит императивность права в сфере повседневных практик, сами руководствуются этими принципами. Дело в том, что в российском обществе существует ситуация перекладывания ответственности, когда позиция, связанная с утверждением базисных правовых принципов, как правило, является позицией ожидания того, что другие будут неукоснительно соблюдать правовые нормы, а по отношению к себе найдется формула оправдания.

В связи с этим следует отметить, что деархаизация предполагает систему взаимных обязательств, взаимный социальный контроль, контроль не только между обществом и государством, но и различными слоями населения, что требует выхода из границ параллельных социальных микромиров и налаживание схем взаимодействия, включающих правовые нормы. В этом смысле очень важно понимать, что перспективы деархаизации не сосредотачиваются вокруг власти, судов и правоохранительной системы.

Вероятно, смысловой акцент следует делать на том, в какой степени россияне подготовлены для контроля власти, обладают достаточной правовой культурой и правовой компетенцией. Но это только одной из условий. Важно, чтобы в обществе признавалось право власти, требовать от граждан соблюдения законности, уважения к действующим правовым нормам. Возражения, связанные с тем, что право является неэффективным, «разбиваются» об аргумент внешнего уважения к закону, который

существует для тех, кто реализует архаичное поведение ситуативно. Доминирующее в обществе требование уважения закона не является выражением всеобщего «лицемерия»: в большей степени это связано с осознанием неоднозначности архаики, того, что обращенность в прошлое не является ориентиром для того, чтобы планировать будущее.

Нельзя не подчеркнуть, что в преодолении архаизации значение имеет консолидированная позиция общества по отношению к нарушениям права. Архаизация может не попадать в число правонарушений и отмечаться в массовом сознании как следованием обычаям и иметь оправдательный характер. Однако, негативным последствием архаизации является то, что окно возможностей для индивида выражается в предпочтении неправовых форм. К тому же, архаика требует ограничения практик правоприменения, а иногда и тихого сопротивления правовой регламентации со стороны государства и правоохранительных структур.

Отмеченный В. Г. Федотовой анархизм в российском обществе не является антитезой самозабвенному сервиллизму. Более того, вера в будущее предполагает веру в универсальность права. Правовые регуляторы являются важными в том, чтобы адекватно оценить противоречивость ситуации, не допустить правовой хаос. Считая, что в российском обществе требуется упорядочение и повышение архаизации правового поведения, нужно приучить себя к мысли, что общественная жизнь не является сферой социальной самоопределенности, что право обладает повышенной возможностью предупреждения нерациональных следствий из рациональных действий.¹⁵⁸

Определяя свое отношение к деархаизации как способу снижения социальной неопределенности, это положение касается не только среднеобеспеченных и высокообеспеченных, но и бедных слоев населения,

¹⁵⁸ На перепутье. М., 1999. С. 127.

для которых объективная (вынужденная) архаизация связана с автаркизацией и хозяйственной деятельностью, и образа жизни, с логикой самообеспечения и самоудовлетворения. Можно сказать, что деархаизация направлена на расширение возможностей повышения социального статуса и преодоление жизненных препятствий на основе включения правового поведения. Такая формула актуализируется, если правовые нормы расширяют возможность стартовых условий или позволяют бедным слоям компенсировать материальные лишения путем повышения веры в возможность защиты своих прав.

Дополнительным индикатором деархаизации выступает снижение влияния архаичных стереотипов, особенно связанных с трудом, бедностью и богатством. Характерно, что бедные слои поддерживают идею душевной гармонии (84 %) ¹⁵⁹. Такую же позицию разделяют 77 % представителей небедных слоев. Отсюда можно сделать вывод о том, что архаика интерпретируется как возможность достижения душевной гармонии в современном неопределенном обществе, что делает необходимым определение душевной гармонии в ее современном варианте – жить в согласии с общественными (социальными и правовыми) нормами.

Деархаизация правового поведения, таким образом, определяется тем, что актуализируются факторы ограничения неправовых норм, и связано это с тем, что правовое поведение становится модальным. Однако, достижение этого состояния определяется тем, в какой степени синхронизируется субъективация и деобъективация архаики. В российском обществе архаичные нормы сохраняются в виде стереотипов и образов восприятия, форм коллективного опыта продолжительное время. Находясь в латентном состоянии, они могут приобретать реальные очертания и реальное влияние, ориентированное на замещение норм права, на то, что в условиях культурной

¹⁵⁹ Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя. М., 2013. С. 109.

и социальной люмпенизации общества выявляются тенденции роста неправовой сферы, будь то под видом свобод либо сомнений по поводу эффективности правовых норм.

В то же время, необходимо отметить, что ситуация деархаизации зависит не только от эффективности практик правоприменения, но и определяется тем обстоятельством, что можно описать как окно возможностей правового поведения. На изменение его параметров немалое влияние оказывает и так называемый взрыв идентичностей и внешняя среда. Следует осознавать, что в российском обществе складывается гражданская идентичность, подразумевающая не только исключительную лояльность государству, но и отождествление индивида со своими согражданами, ответственность за судьбу страны¹⁶⁰.

Архаизация правового поведения может и не привлекать внимания, не выявляться, если измерять ее влияние отношениями гражданина и государства. Но деархаизация правового поведения характеризуется тем, что вместо формулы подчинения приоритетной становится формула гражданской ответственности. Можно констатировать, что в условиях, когда население не считает необходимым руководствоваться интересами государства, а заявляет об интересах своей семьи,¹⁶¹ следует отметить, что сфера социально-бытовых отношений, какой бы непроницаемой она не казалась для проникновения правовых норм, содержит немалый потенциал деархаизации.

Речь идет о том, чтобы правовые нормы были введены в сферу интересов защиты семьи, детей и родителей, чтобы сложные жизненные ситуации, которые, казалось бы, не требуют вмешательства правовых норм и не связаны со сферой правового поведения, имели социально значимый эффект, особенно в условиях кризиса семейных ценностей и трудностей

¹⁶⁰ Горшков М. К. Российское общество как оно есть. М., 2011. С. 261.

¹⁶¹ Там же. С. 265.

семейной жизни в России, парадоксальной ситуации, сложившейся в сфере защиты семьи, материнства и детства в России¹⁶². Позиция полного невмешательства или апатия к семейной сфере опасна социальным последствием, в том убеждают и искалеченные судьбы детей, женщин и массовые преступления на бытовой почве, что выступает следствием кризисной трансформации института семьи¹⁶³.

При этом можно отметить характерную для россиян низкую готовность актуализировать архаичные образцы, если вероятна высокая степень правового вмешательства со стороны государства. С одной стороны, плюс этой ситуации состоит в том, что она препятствует анархизации на социальном микроуровне. С другой, такое положение дел ведет к росту значимости культурно-символической близости, когда в одной и той же микрогруппе могут оказаться люди, имеющие разный социальный статус. К разряду факторов, стимулирующих деархаизацию правового поведения в России, можно отнести достижение условного ценностного консенсуса, когда порядок и стабильность сближаются по своему содержанию с правовыми нормами и ориентированы на принятие правового поведения как социально референтного.

Таким образом, можно говорить о том, что, во-первых, в российском обществе стратегии архаизации правового поведения определяются как объективной (объективно необходимая), так и субъективной направленностью (понимаемая как преднамеренная или осознанная). Объективно необходимая архаизация связана со стратегиями самовывживания, перехода на автаркичный образ жизни и эксклюзивность от

¹⁶² Верещагина А.В., Курбатов В.И., Попов А.В. Неблагополучное детство в России: парадоксы управленческой реальности в сфере семейных отношений // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2018. № 1. С. 100-106.

¹⁶³ Лежнина Ю.П. Институт семьи в России: на пути трансформации // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 2. С. 70-90.

общества в результате неудовлетворенности социальными условиями и отсутствие доступа к социальным ресурсам. Субъективная архаизация определяется актуализацией установок на право как неэффективных по отношению к образцам жизненного опыта, понимаемых как авторитетный исторический, закрепленных и имеющих для индивидов жизнеориентирующий смысл.

Деархаизация правового поведения определяется, во-первых, повышением авторитета права как социально регулятивного института; во-вторых, ростом правовой компетентности граждан, включающей возможности применения правовых норм в реализации жизненных стратегий; в-третьих, ориентированностью общества на социальную референтность права.

В целом по главе, можно подвести следующие итоги:

Во-первых, стратегии архаизации в российском обществе разделяются на объективные и субъективные, вписанные также в типологию, в которой, в соответствии с концепцией ментальных программ, выделяют рефлексивные и нерефлексивные стратегии архаизации правового поведения. Объективные (нерефлексивные) локализуются в группах бедных, локальных микробщностях, ведущих автаркичный образ жизни. Субъективные (рефлексивные) распространены среди носителей идеи социального анархизма или связаны с гипертрофированием этнических и религиозных отличий, что ведет к демассовизации правового поведения.

Во-вторых, деархаизация правового поведения в российском обществе включает такие меры воздействия, как повышение роли института права во влиянии не только на публичном уровне и отношения гражданина с государством, но и формирование чувства ответственности и идентичности с большим обществом на социальном микроуровне. Пока, в условиях социокультурной российской реальности, фиксируются лишь тенденции деархаизации, перспективы которой предполагают серьезный уровень учета

выявленных факторов объективного, субъектного и субъективного характера архаизации правового поведения в социокультурном пространстве российского общества.

Заключение

Научная традиция изучения правового поведения в контексте тенденций его архаизации в современном российском обществе складывается на пересечении социологического, культурологического и социально-философского знания, что определяет важность учета потенциала научных разработок в пространстве междисциплинарного дискурса. Его анализ позволил прийти к выводу, что научно-исследовательская традиция изучения проблемы архаизации правового поведения в зарубежной и российской социальной мысли базируется на комплексе теоретических подходов, определяющих интерес ученых к противоречивым явлениям и процессам, происходящим в обществе в период глубинных трансформаций и перехода в новое социокультурное качество.

Применительно к российской социокультурной специфике и современным реалиям общественного развития наиболее перспективными из числа сложившихся методологических подходов в данном предметном поле являются положения конструктивистской научной парадигмы и неинституционализма для наиболее подходящие для объяснения процессов, происходящих в пространстве правовых отношений и правового поведения в современной России. В их методологических границах социально-философское измерение архаизации правового поведения в российском обществе основывается на выделении рефлексивных (осознанных) и нерефлексивных (неосознанных) форм архаизации как структуре элементов, в совокупности определяющих тенденции архаизации и перспективы деархаизации правового поведения в условиях российской социокультурной реальности.

В диссертации предложено, в соответствии с выбранными методологическими подходами и когнитивной стратегией изучения, понимать под архаизацией правового поведения реакцию общества,

социальных групп, общностей и индивидов на динамику социальных изменений и вызовы социокультурной реальности, выражающуюся в обращении к культурно-историческому опыту прошлого в форме рефлексивного и нерефлексивного использования доказавших свою эффективность на более ранних этапах развития общества правовых норм и поведенческих стратегий.

Архаизацию не следует в широком смысле отождествлять с традиционализацией, так как традиционализация имеет целью возвращение или изобретение традиции с целью формирования определенной нормативной модели. Архаизация, не преследуя и не претендуя на правовой формат, зачастую является фактором замещения правомерного поведения неправомерным, построена по формуле подвода под нормы, правила и стереотипы, которые воспринимаются как надежные основания жизненного опыта и достижения жизненных стратегий. В этом смысле архаизацию нельзя исследовать по формуле противопоставления «современное – традиционное общество» и придавать ей обязательный этнокультурный или этноконфессиональный смыслы, пытаться строить изучение архаизации на выявлении архаичных черт в жизни конкретного этнического сообщества, противопоставляя его «цивилизованному» состоянию.

Анализ институциональных условий и факторов архаизации правового поведения в российском обществе показал, что происходит институционализация архаичных элементов в правовом поведении россиян вследствие низкой неэффективности института права, расширяющей возможности для использования неформальных социальных норм, которые заимствуются из коллективного и индивидуального опыта, легитимируются ресурсом исторической памяти и нивелируют инструментальную сущность права, связанную с защитой свободы и интересов граждан.

Анализ идентификационных стратегий россиян в контексте обращения к архаическим пластам культурно-исторического опыта в сфере правового

поведения показал, что они основываются на принятии архаичной идентичности как выражения сопринадлежности, самоопределения в рамках локальной общности, характеризуемой общностью образа жизни и отношения к коллективным (историческим) формам правового опыта. Закрепление архаичных идентичностей происходит тем эффективнее, чем неэффективнее функционирует института права и стремительнее распространяются неправомерные формы поведения в различных сферах общественной жизни и регионах страны. В данных условиях архаичные формы идентичности воспринимаются как более соответствующие принципам справедливости при всем том, что и базируются на легитимации «отрицания права» как стратегии поведения в сфере правовых отношений.

В результате исследования влияния архаизации на стратегии правового поведения в российском обществе было определено закрепление двух основных поведенческих схем, связанных с 1) вынужденной стратегией архаизированного правового поведения, основанной на нерелексивных, стихийных механизмах адаптации к сложившимся социальным реалиям, воспринимаемым как более эффективные в условиях низкого авторитета института права, высокой скорости социальных изменений и роста дисфункциональных и дезорганизационных, и 2) добровольно конструируемой стратегия архаизированного правового поведения, которая основывается на механизме сознательного, преднамеренного обращения к архаичным элементам права, используемом. Использование элементов социальной архаики в контексте получения правовых преференций, то есть либерализации права для отдельных групп населения, или выборочного использования права с целью закрепления социальных, экономических, политических позиций в сложившейся системе социальных отношений – вот содержание и логика добровольно конструируемой стратегия архаизированного правового поведения.

Поскольку основные тенденции архаизации правового поведения в российском обществе связаны с таким явлением, как архаичный патернализм, закрепленный на уровне культурных и ментальных программ и выступающий, своего рода, защитным механизмом и результатом стремления к самосохранению, перспективы деархаизации в российском обществе связаны с государством, с усилением его роли как гаранта права в контексте обеспечения единого правового пространства. Однако в рамках дилеммы «архаизация-модернизация» тенденции деархаизации и перехода к созидательным, прогрессивным в своей сущности правовым отношениям должны обязательно основываться на учете архаики, содержащей культурный код, ключ к познанию самой природы социокультурной динамики российского общества.

Список литературы

1. Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М. Деструктивные аспекты социальных трансформаций: аномия, архаика, девиация // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3 (19).
2. Аврутин Ю.Е. Государство и право. Теория и практики. М., 2009.
3. Адаптационные стратегии населения. СПб., 2004.
4. Американская социологическая мысль. М., 1996.
5. Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1972.
6. Андреева О.А. Диалектика политических и правовых рисков в условиях стабильно-нестабильного общественного развития: анализ концептуальных подходов // Философия права. 2016. № 6 (79).
7. Антипов М.А., Дорошин Б.А. Деинституализация как проявление архаизации постсовременного общества // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. №3 (50).
8. Артемов В. М. Социально-культурная ориентация работников правоохранительных органов. // Социологические исследования. 2000. № 7.
9. Артемов В. М. Социокультурные ориентации правоохранительных органов. // Социологические исследования. 2000. № 1.
10. Аспекты социальной теории современного общества. М., 2000.
11. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2.
12. Ачкасов В. А. «Взрывающаяся архаичность»: традиционализм в политической жизни России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.
13. Базовые ценности россиян. М., 2003.
14. Баранов П. П., Овчинников А. И. Актуальные проблемы теории правосознания и правового мышления. Ростов н/Д, 2006.

15. Баранов П. П., Шпак А. В. Сила права: политика и институциональный анализ. Ростов н/Д, 2004.
16. Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996.
17. Башкирова Е.И. Трансформация ценностей российского общества // Полис, 2000. № 6.
18. Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя. М., 2013.
19. Бедных все больше [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/12/20/bednyh-vse-bolshe/print/>
20. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М., 1999.
21. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001.
22. Бергер П.Л. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М., 1996.
23. Бергман П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
24. Бойков В.Э. Десять лет реформаторства // Социологические исследования. 2001. № 7.
25. Бойков В.Э. Ценности и ориентиры общественного сознания россиян // Социологические исследования. 2004. № 7.
26. Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. А. Я. Сухарева. М., 2007.
27. Бурдые П. Начала. М., 1994.
28. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб, 2005.
29. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
30. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб, 2005.
31. Бызов Л. Г. Бюрократия при В. Путине – субъекты развития или его тормоз. // Социологические исследования. 2006. № 3.
32. Бюрократия и власть: новые в России позиции населения и оценки экспертов. М., 2005.

33. Вебер А.Б. Устойчивое развитие как социальная проблема. М., 1999.
34. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990
35. Верещагина А.В., Курбатов В.И., Попов А.В. Неблагополучное детство в России: парадоксы управленческой реальности в сфере семейных отношений // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2018. № 1.
36. Волков В. Силовое предпринимательство. СПб., 2002
37. Волков Ю. Г. Идентичность и идеология: взгляд в будущее. М., 2006
38. Волков Ю. Г. Социология. М., 2010.
39. Волков Ю. Г., Кривопусков В. И. Доверие и креативный класс: факторы консолидации российского общества. Ереван, 2013.
40. Волков Ю. Е. Социальные отношения и социальная сфера // Социологические исследования. 2003. № 4.
41. Волков Ю.Г. Приватное пространство: опыт социологической рефлексии солидаристского потенциала новой социальной реальности // Социологические исследования. 2017. № 12.
42. Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия на перепутье. М., 1998.
43. Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб., 2003.
44. Гидденс Э. Социология. М., 2006
45. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структурности. М., 2003
46. Гонтмахер Е. Социальная политика в России: уроки 90-х. М., 2000
47. Горшков М. К. Российская повседневность в условиях кризиса: социологическое измерение // Социологические исследования. 2009. № 12.
48. Горшков М. К. Российское общество как оно есть. М., 2011.
49. Горяинова В. П. Групповая солидарность и ценностные ориентации. // Социологические исследования. 1997. № 3.

50. Гофман А.Б. От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков // Традиции и инновации в современной России: социологический анализ взаимодействия и динамики. М., 2008.
51. Граждане и государство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/01/22/grazhdane-i-gosudarstvo-3/print/>
52. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М., 2013.
53. Гревцов Ю. И. Очерки и теории социологии права. СПб, 1996
54. Гревцов Ю. И. Социология права. СПб, 2001
55. Григорьева И.А. Сто лет трансформаций социальной политики в России // ЖИСП. 2017. №4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sto-let-transformatsiy-sotsialnoy-politiki-v-rossii>.
56. Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004.
57. Гудков Л. Проблема абортивной модернизации и мораль. М., 2008.
58. Гуляихин В.Н. Правовой менталитет российских граждан // ВВ: Вопросы права и политики. 2012. № 4.
59. Данилова Е. Н. Идентификационные стратегии: российский выбор. // Социологические исследования. 1995. № 6.
60. Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования, 2004. № 10
61. Девиантность и социальный контроль в России. М., 2000.
62. Дискин И. Россия, которая возможна. М., 2011.
63. Дроздов А. Ю. Агрессивное поведение молодежи в контексте социальной ситуации. // Социологические исследования. 2003. № 4.
64. Дубин Б. Режим разобщения. М., 2009.
65. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1999.

66. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х - середина 2010-х гг.): Научное издание / Под ред. Ж.Т. Тощенко. - ЦСП и М, 2016.
67. Западно-европейская социология 19 – начало 20 века. Тексты. М.: 1996.
68. Западноевропейская социология XIX – начало XX века. М., 1996.
69. Зарубина Н.А. Инновационное развитие России в цивилизационном и институциональном контексте // Мир России. Социология. Этнология. 2015. № 2.
70. Заславская Т. И. Современное российское общество. М., 2004.
71. Заславская Т. И., Шабанова М. А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик. // Общественные науки и современность. 2001. № 5.
72. Зборовский Г. Г., Широкова Е. А. Социальная ностальгия: к исследованию феномена. // Социологические исследования. 2001. № 8.
73. Здравомыслов А. Г. Интересы, потребности, ценности. М., 1997.
74. Здравомыслов А. Г. Социология российского кризиса. М., 1999.
75. Зинченко Н. И. Личная безопасность как объект социологического анализа. // Социологические исследования. 2004. № 3.
76. Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. М., 2007.
77. Зубок Ю. А., Чупров В. И. О формировании правовой культуры молодежи в России и Белоруссии. // Социологические исследования. 2006. № 10.
78. Иванов А. А. От талиона к индивидуализации юридической ответственности. Исторический очерк становления правового принципа. М., 2009.
79. Ильин В. И. Социальное неравенство. М., 2000.
80. Ильин И. А. О грядущей России. Избранные статьи. Джорданвилл, 1998.

81. Ильин И. А. Понятие права и силы: опыт методологического анализа. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М., 1993.
82. Ильинская С. Г. Толерантность. М., 2007.
83. Институциональное доверие [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/10/12/institutsionalnoe-doverie-3/print/>
84. Исаев И. А. Правовая культура России. М., 2009.
85. Исаков А.Л., Ермоленко В.В. Моделирование архаизации политического процесса как методологическая проблема социально-гуманитарного знания // ИВД. 2011. № 3.
86. История социологии в Западной Европе и США. М., 1999.
87. Казимирчук В. П. Социальный механизм действия права // Советское государство и право. 1970. № 10.
88. Кант И. Трактаты и статьи (1784 – 1796). М., 1993.
89. Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986.
90. Карнаушенко Л.В. Институт права в аспекте процессов архаизации и модернизации современного общества // Вестник КРУ МВД России. 2016. № 2 (32).
91. Карнаушенко Л.В. Тенденции архаизации трансформирующегося российского общества и проблема криминализации // Общество и право. 2016. № 2 (56).
92. Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.
93. Кивинен М. Прогресс и хаос. Социологический анализ прошлого и будущего России. СПб., 2001.
94. Кириевский И. В., Хомяков С. В. Избранные статьи. М., 1984.
95. Климова С.Г. Стереотипизация повседневности в определении своих и «чужих» // Социологические исследования. 2000. № 12.
96. Клямкин И., Тимофеев Л. Теневая Россия. М., 2000.
97. Козер Льюис А. Мастера социологической мысли М., 2006.

98. Козлов В.А. Противоправное поведение в сфере экономики. М. 2005.
99. Колосова Н.М. Интегративная функция правовой системы. М. 1990.
100. Коркюф Ф. Новые социологии. М., 2002.
101. Кривошеев В. В. Короткие жизненные проекты: проявления аномии в современном обществе. // Социологические исследования. 2009. № 3.
102. Кривошеев В. В. Особенности аномии в современном российском обществе. // Социологические исследования. 2004. № 3.
103. Крупеникова Л.Ш., Лубский Р.А., Пестов Р.А. Особенности модальных моделей правового поведения в полиэтнических регионах на Юге России: сравнительный анализ // Философия права. 2018. № 3 (86).
104. Ксенофонтова В.Н. Правовое поведение личности: содержание и особенности. М. 2006.
105. Куда идет Россия: власть, общество, личность? М., 2000.
106. Куда идет Россия? Кризис институциональных систем. Век, десятилетие, год. М., 1999.
107. Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. М., 2002.
108. Кудрявцев В. Н. О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3.
109. Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. М., 1995.
110. Кудрявцев Л. Д. Современное общество и нравственность. М., 2000.
111. Култыгин В. Классическая социология. М., 2000.
112. Кульчар К. Основы социологии права. М., 1981.
113. Куценко О. Д. Общество неравных. Харьков, 2000.

114. Ламаджаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Гуманитарные науки: теория и методология. 2011. Вып. № 3.
115. Ламажаа Ч. К. Архаизация общества. Тувинский феномен. М., 2014.
116. Ламажаа Ч.К., Абдулаева М.Ш. Архаизация и неотрадиционализм: Российские региональные формы // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3
117. Ламажаа Ч.К., Намруева Л.В. Комплексные проявления неотрадиционализма и архаизации в регионах Южного федерального округа // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4.
118. Ламажаа Ч.К., Хайруллина Н.Г. Архаизация и неотрадиционализм в регионах Уральского федерального округа // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1.
119. Лапаева В. В. Право и политика. Из научной публицистики. М., 2005.
120. Лапаева В. В. Социология права в поисках новой парадигмы // Государство и право. 1992. №7.
121. Лапин Н. И. Пути России. М., 2000.
122. Лапшин В.А. Неотрадиционализм в Центральной России: формы, движения, идеология // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2.
123. Левада Ю. А. От мнений к пониманию. М., 2000.
124. Левицкий С. А. Свобода и ответственность. М., 2003.
125. Легитимность политической власти. Ростов н/Д, 1996.
126. Лежнина Ю. П. Институт семьи в России: на пути трансформации // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 2.
127. Лейст О. Э. Сущность права. М., 2002.
128. Личность и уважение к закону. Социологический аспект. М., 1979.
129. Лубский Р.А., Крупеникова Л.Ш. Модальные модели правового и политического поведения различных социальных групп в

трансформирующемся российском обществе (на материалах социологических исследований) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8-9.

130. Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М., 2013.

131. Лунеев В. В. Эффективность борьбы с преступностью и ее отдельными видами в современной России // Государство и право. 2003. № 7.

132. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2013.

133. Мариненко Я.С. Тенденция архаизации российского общественного сознания в свете акций Александра Бренера и Pussy Riot // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. №420.

134. Масарский М. Порядок и смута. М., 2000.

135. Медушевский А.Н. Социология права. М.: ТЕИС, 2006.

136. Митрошенков О. А. Отношение населения и госслужащих к существующему правопорядку // Социологические исследования. 2004. № 5.

137. Молодёжь в новой России образ жизни и ценностные параметры, М. 2007.

138. Мониторинг ксенофобских настроений, июль 2018 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/08/27/monitoring-ksenofobskih-nastroenij/>

139. Моторина Л. Е. Философская антропология. М., 2003.

140. Мягков А. Ю., Журавлева И. В. Объективные модели: эффект интервьюера. // Социологические исследования. 2006. № 3.

141. На перепутье. Новые вехи. М., 1999.

142. Наумова Н. Ф. Человек и модернизация России. М., 2006.

143. Национальная идентичность и гордость [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/print/>

144. Неверко Д. Д., Шинкевич В. Е., Горбач В. А. Деятельность милиции в зеркале общественного мнения. // Социологические исследования. 2006. № 2.
145. Немецкая социология. СПб., 2003.
146. Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2000.
147. Никонов В.А. Эпоха перемен: Россия 90-х глазами консерватора. М., 1998.
148. Новая молодежь России: жизни и ценностные ориентиры. М., 2004. Вып. 7.
149. Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.
150. Новые потребности и новые риски: реальность 90-х годов. СПб., 2001.
151. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М., 2011.
152. Нуреев Р. М. Теория общественного выбора. М., 2005.
153. О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2012.
154. О чем мечтают россияне? М., 2012.
155. Общая социология. Тексты. М., 2006.
156. Общественное мнение о проблемах защиты прав и свобод человека в России // Вестник общественного мнения. 2017. № 3-4 (125).
157. Общественное мнение. Левада-центр, 2014.
158. Олейник А. «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «российского простого человека» // Политические исследования. 2001. № 2.
159. Ответственность и влияние [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/10/31/otvetstvennost-i-vliyanie-2/print/>
160. Отношение к полиции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/11/07/otnoshenie-k-politsii/print/>

161. Певзнер Я.А. Крах коммунизма и современные общественные отношения. М., 1999.
162. Петухов В. В. Демократия участия и политическая трансформация российского общества. М., 2007.
163. Петухов В. В. Новые поля социальной напряженности // Социологические исследования. 2004. № 3.
164. Петухов В. В., Пахомов Е. И., Седова Н. Н. Права человека: дискриминационные практики в современной России // Общественные науки и современность. 2003. № 5.
165. Попов М.Ю. Правовая культура как элемент социального порядка // Власть. 2006. № 6.
166. Попов М.Ю. Социальная аномия и её влияние на социализацию // Власть. 2006. № 2.
167. Попова И. П. Профессионализм – путь к успеху? // Социологические исследования. 2004. № 3.
168. Проданов В. Насилие в современную эпоху. София, 2005.
169. Пути России: существующие ограничения и возможные варианты. М., 2004.
170. Рассадина Т. А. Трансформация традиционных ценностей россиян в постперестроечный период // Социологические исследования. 2006. № 9.
171. Ревуцкая Е.А. Архаизация в российском социокультурном процессе // Грамота. 2013. № 4 (30).
172. Реформы переходного периода. М., 2005.
173. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.
174. Российская идентичность в социологическом измерении. М., 2008.
175. Российское общество в 2017-ом: социальное самочувствие, тревоги, надежды на будущее [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/publ/rezyume_ross_obschestvo_2017.pdf

176. Российское общество и вызовы времени / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. Кн.4. М.: Весь мир, 2016.
177. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М.К. Горшков и др.]; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. - М.: Весь Мир, 2017.
178. Россия – трансформирующееся общество. М., 2001.
179. Россия реформирующаяся. Вып. 7. М., 2008.
180. Россия реформирующаяся. М., 2012.
181. Россия, которую мы обретаем. Новосибирск, 2003.
182. Россия: новая социальная реальность. М., 2004.
183. Россия: риски и опасности «переходного» общества. М., 2000.
184. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. М., 2005.
185. Русанова Н. М. Правовые установки и правовое поведение россиян. // Социология и общество. СПб., 2000.
186. Свобода, неравенство, братство: социологический портрет новой России. М., 2007.
187. Седова И. Н. Морально-нравственные ориентации и социальная активность. // Социологические исследования. 2004. № 8.
188. Селигмен А. Проблема доверия. М., 2002.
189. Сергеев Д.В. Социально-культурная ситуация в России начала XXI В. : рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика // Мир России. Социология. Этнология. 2012. № 3.
190. Смоленский М.Б., Колышкина Л.Ю. Теория государства и права. М., 2009.
191. Советский простой человек. М., 1995.
192. Солодникова И.В. Социализация личности: сущности и особенности на разных этапах жизни// Социологические исследования. 2007. № 2.
193. Социальная стратификация российского общества. М., 2003.

194. Социальная сфера общества: сегодня, завтра, послезавтра. М., 2008.
195. Социальная трансформация в России: теории и практики, сравнительный анализ. М., 2005.
196. Социальное неравенство и социальная политика в современной России. М., 2008.
197. Социальное согласие в современном мире. М., 2000.
198. Социальные конфликты в современной России. М., 1999.
199. Социальные трансформации в России: Теория, практика, сравнительный анализ. М., 2005.
200. Социальные факторы и консолидация российского общества. М., 2010.
201. Социальный капитал и социальное расслоение в современной России. М., 2003.
202. Социология неформальных отношений: политика, экономика, культура. Тюмень, 2005.
203. Спиридонов Л. И. Общественное мнение и право. Л., 1985.
204. Справедливые и несправедливые неравенства в современной России. М., 2005.
205. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии. М., 2003.
206. Становление нового социального порядка в России. Краснодар, 2000.
207. Стариков Е.Н. Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск, 1996.
208. Стивенсон Л. Десять теорий о природе человека. М., 2004.
209. Страхи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/09/12/strahi/print/>

210. Сулакшин С.С., Хвыля-Олинтер Н.А., Кравченко Л. И. Динамика портрета современной российской молодежи. Труды Центра научной политической мысли и идеологии. Вып. № 21, июнь 2016 г. М.: Наука и политика, 2016.
211. Сычева Т.М. Проблема архаизации: некоторые методологические подходы // Манускрипт. 2018. №5 (91). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-arhaizatsii-nekotorye-metodologicheskie-podhody>
212. Тимофеев Л.М. Институциональная коррупция. М., 2001.
213. Тихонова Н. Е., Мареева С. В. Средний класс: теория и реальность. М., 2009.
214. Тихонова Н.Е. Бюрократия: часть общества или его контрагент// Социологические исследования. 2006. № 3.
215. Тощенко Ж. Т. О понятийном аппарате социологии. // Социологические исследования. 2002. № 9.
216. Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М., 2015.
217. Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. Социальное настроение. М., 1996.
218. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М. 2001.
219. Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005.
220. Федотова В. Русская партия как противостояние хаосу. // Политический класс. 2005. № 1.
221. Федотова В.Г. Архаизация в современном мире [Электронный ресурс]. Режим доступа: <file:///C:/Users/%D0%90%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D0%BD/Downloads/1655-1642-1-PB.pdf>
222. Фукуяма Ф. Доверие. М., 2008.
223. Хагуров Т. А. Человек потребляющий: проблема девиантологического анализа. М., 2006.

224. Хоружая С.В., Салчинкина А.Р. Архаизация и деградация в социокультурном пространстве // Манускрипт. 2017. № 5 (79).
225. Чего опасаются россияне? М., 2008.
226. Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1900.
227. Шабанова М. А. «Неправовая свобода» и самозащитное поведение населения. // Регион: экономика и социология. 2000. № 1.
228. Шабанова М. А. Образы свободы в реформируемой России. // Социологические исследования. 2000. № 2.
229. Шабанова М. А. Социология свободы: трансформирующееся общество. М., 2000.
230. Шабанова М.А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. 1995. № 9.
231. Шефель С.В. Личность как гармонизатор субъектобъектных правоотношений в экосфере // Национальное здоровье. 2017. № 1-2.
232. Шкаратан О.И. Российский порядок: вектор перемен. М., 2004.
233. Щербакова Н. В. Правовая установка и социальная активность личности. М., 1986.
234. Эффективность правовых норм. М., 1980.
235. Ядов В. А. Проблемы российской трансформации. СПб., 2006
236. Яцыно М. Культура индивидуализма. Харьков, 2012.
237. Oxford dictionary of sociology Ох., 1997.
238. Lubsky A.V., Kolesnykova E.Y., Lubsky R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. No. 16. P. 9549–9559.